

Памяти Э.Э.

Когда Римская империя пришла в упадок, Британия погрузилась во тьму безвременья. Римские виллы ветшали и рушились, а местные жители принялись строить деревянные дома в одну комнату и без дымоходов. Технология изготовления глиняной утвари, столь важная для хранения пищи, по большей части забылась, да и грамотных почти не осталось.

Этот период называют порой темными веками, и растянулся он на мучительно медленные пятьсот лет.

А затем все наконец начало меняться...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СВАДЬБА

997 год н.э.

1

Четверг, 17 июня 997 г.

Не так-то просто не спать всю ночь, даже если это важнейшая ночь в твоей жизни — Эдгар познал эту истину на собственном опыте.

Он расстелил накидку поверх тростника на полу и улегся, не снимая длинной шерстяной рубахи до колен; кроме нее, иной одежды у него не было, а рубаху эту он летом носил днем и ночью. Зимой Эдгар для тепла кутался в накидку и ложился поближе к огню. Но сейчас-то было тепло, до середины лета оставалась всего неделя.

Эдгар никогда не путался в днях, не то что большинство — им приходилось спрашивать священников, которые вели счет времени. Эрман, старший брат Эдгара, однажды спросил: «Откуда ты знаешь, что наступила Пасха?» Эдгар ответил: «Потому что нынче первое воскресенье после первого полнолуния после двадцать первого дня марта, вот откуда». Задираться было ошибкой, недаром Эрман крепко двинул ему кулаком в живот за эту дерзость. Все случилось много лет назад, когда Эдгар был маленьким. Теперь он вырос. Через три дня после летнего солнцестояния ему исполнится восемнадцать. Братья давно перестали его колотить.

Юноша покачал головой. Мысли путались, клонило в сон. Он лег по-другому, чтобы было неудобно, оперся на кулак, чтобы не заснуть.

Знать бы еще, как долго предстоит ждать.

Эдгар покрутил головой, оглядывая помещение в свете очага. Его дом мало чем отличался от прочих домов городка Кум: стены

из дубовой древесины, соломенная крыша и земляной пол, частично покрытый тростником, который нарвали на берегах близлежащей реки. Окна отсутствовали. Посреди помещения был выложен камнями очаг. Над тлевшими угольями стояла железная тренога, на которую вешали утварь для готовки, и ее ножки отбрасывали причудливые тени на изнанку крыши. В стенах торчали, куда ни посмотри, деревянные колышки — для одежды, для кухонной утвари и для плотницких инструментов, с помощью которых мастерили лодки.

Эдгар не ведал, сколько времени прошло, он же мог задремать, сам того не заметив. Но точно уже глубокая ночь. Вечером было слышно, как городок устраивается на ночлег: пара бражников распевала непристойную песенку, в соседнем доме ссорились муж и жена, бросая друг другу упреки, неподалеку хлопали двери, лаяла собака и где-то рыдала женщина. А сейчас царила тишина, и единственным звуком была навевавшая дремоту колыбельная речных волн. Юноша повернул голову к двери, проверяя, нет ли по краям предательских полос света, но не увидел ничего, кроме темноты. Значит, либо луна закатилась и близится утро, либо небо затянули облака. Впрочем, ему-то какая разница...

Остальные члены семьи улеглись вдоль стен, там меньше чадило. Отец и мать лежали спиной к спине. Иногда они просыпались посреди ночи и обнимались, перешептывались и двигались заодно, а потом откатывались друг от друга, тяжело дыша; но сейчас родители крепко спали, папаша громко храпел. Двадцатилетний Эрман, старший из сыновей, прикорнул поблизости от Эдгара, а средний, Эдбальд, забился в уголок. Эдгар слышал их ровное, спокойное дыхание.

Наконец прозвонил церковный колокол.

На дальней окраине городка располагался монастырь. Монахи знали способ измерять время ночью: они делали большие свечи с насечками и по этим насечкам, когда свечи сгорали, определяли, который час. За час до рассвета звонил колокол, созывая монастырскую братию к заутрене.

На всякий случай Эдгар еще полежал в неподвижности. Колокол вполне мог разбудить маму, которая вообще спала очень чутко. Юноша выждал, сколько смог, чтобы матушка снова погрузилась в глубокий сон. А потом ловко поднялся.

Бесшумно подобрал накидку, взял башмаки и пояс, на котором висел кинжал в ножнах. Босиком пересек помещение, глядя в оба,

чтобы не наткнуться на мебель — стол, два табурета и скамью. Дверь открылась беззвучно: накануне вечером Эдгар щедро смазал деревянные петли овечьим жиром.

Пробудись вдруг кто-то из членов семьи и оклики его, он бы сказал, что идет на улицу помочиться, а про себя молился бы, чтобы никто не заметил башмаков у него в руках.

Эдбальд что-то пробормотал, и Эдгар замер. Неужто брат проснулся? Или просто разговаривает во сне? Поди разбери... Ладно, Эдбальд не станет поднимать шум, он всегда норовит увильнуть от домашних склок, прямо как папаша. Даже если не спит, ничего выяснять он не будет.

Эдгар выскользнул наружу и осторожно закрыл за собой дверь.

Луна и вправду зашла, но на ясном небе сверкали звезды, серебряный песок у реки. Между домом Эдгара и отметкой прилива стояла мастерская. Папаша строгал лодки, и все трое сыновей трудились под его началом. Он знал толк в ремесле, но вот дела вел никудышно, а потому всеми денежными вопросами ведала матушка, особенно когда требовалось понять, сколько просить с заказчика за такую трудоемкую и непростую работу, как строительство лодки. Если заказчик пытался торговаться и сбивал цену, папаша, дай ему волю, наверняка бы поддался, однако матушка зорко следила за тем, чтобы такого не случилось.

Эдгар надел башмаки, нацепил на себя пояс с кинжалом и огляделся. Во дворе мастерской угадывалось одно-единственное суденышко, малая гребная лодка, способная ходить против течения. Рядом громоздился внушительный штабель драгоценной древесины — стволы поделены на половинки и четвертинки, из которых будут выстругивать части новых лодок. Приблизительно каждый месяц все семейство отправлялось в лес и валило зрелый дуб. Папаша с Эдгаром начинали первыми, попеременно махали топорами на длинных рукоятях, подрубая ствол под нужным углом. Затем они садились отдыхать, а за дело брались Эрман и Эдбальд. Когда дерево падало, ветви обрубали и сплавляли ствол по реке до Кума. Разумеется, приходилось платить, ведь лес принадлежал тану*

* Тан (также тэн) — дворянский титул в англосаксонской Англии. Танами именовались владетели, получавшие земли от короны и обязанные при необходимости нести военную службу и уплачивать подати в королевскую казну. Помимо короля, наделять своих соратников землями и тем самым превращать в танов имели право также эрлы (англосаксонские графы). Титул и полномочия тана считались наследственными, но наследование предусматривало королевское одобрение. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Уигельму, которому большинство жителей Кума уплачивало подать, а тан брал по двенадцать серебряных пенни за каждое дерево.

Помимо штабеля древесины, во дворе находились бочка со смолой и точильный камень, подле которого валялся на земле моток веревки. Все это добро сторожил посаженный на цепь мастиф Грендель, черный пес с сизой мордой, уже слишком старый, чтобы по-настоящему напугать воров, но все еще способный поднять тревогу. Грендель лежал тихо, опустив голову на передние лапы, и равнодушно смотрел на Эдгара. Юноша присел и погладил пса по голове.

— Прощай, старина, — пробормотал он, и Грендель, не вставая, завил хвостом.

На краю двора притаилось готовое судно, которое Эдгар считал своей собственностью. Он сам построил эту лодку, стараясь придать ей подобие ладьи викингов. Нет, самих викингов он никогда не видел — те на его памяти набегов на Кум не совершали, — но два года назад на берег выбросило обломки, почерневшие от огня, с наполовину расколотой носовой фигурой, в которой можно было опознать драконью голову. Видно, ладья не пережила битву. Эдгара потрясла обезображенная красота корабля — манящие глаз обводы, узкий и длинный нос, тонкие, но прочные стенки. А больше всего юношу поразила увесистый киль вдоль днища; после некоторых размышлений юноша понял, что эта штукавина придает кораблю устойчивость и позволяет викингам ходить по морям. Свою лодку он тоже наделил килем, на ней имелись два весла и мачта для небольшого квадратного паруса.

Эдгар твердо знал, что у него есть дар к ремеслу. Братьев он уже обошел, а скоро, пожалуй, и папашу обставит. Некое чутье словно подсказывало ему, как соединять отдельные части, чтобы получалось надежное целое. Несколько лет назад он подслушал, как папаша говорит матушке: «Эрман учится медленно, Эдвальд куда шустрее, но Эдгар, по-моему, схватывает суть раньше, чем я хоть слово скажу». Так оно и было на самом деле. Некоторым людям от рождения дано особое умение: они берут в руки дудку или барбит* и, пусть ни разу прежде на них не играли, начинают вдруг извлекать мелодию. А Эдгар сызмальства разбирался в строительстве лодок и домов. Бывало, он говорил: «Эта лодка будет крениться на правый борт» или «Эта крыша протечет» — и неизменно оказывался прав.

* Барбит — щипковый струнный инструмент, разновидность лиры.

Юноша отвязал лодку и толкнул ее по песку к воде. Шорох дерева был заглушен плеском набегавших на берег волн.

Внезапно донеслось девичье хихиканье, и Эдгар резко обернулся. При свете звезд он разглядел неподалеку обнаженную девицу, распростертую на песке, и голого мужчину сверху. Наверное, кто-то из знакомых, но лиц не рассмотреть. Эдгар поспешно отвел взгляд, не желая смущать любовников, которых застал врасплох. Девушка совсем молоденькая, а мужчина, возможно, из женатых. Да, церковь не одобряла прелюбодейство, но люди далеко не всегда соблюдали правила.

Эдгар отвернулся и спустил лодку на воду. Он оглянулся на дом, ощутил укол сожаления. Доведется ли ему увидеться с родными снова? Это единственный дом, который он помнил, хотя сам, как ему рассказывали, родился в другом месте, в Эксетере, где папаша трудился в подмастерьях; потом, когда Эдгар был еще младенцем, семейство перебралось в Кум, и папаша открыл собственную мастерскую гребных лодок. Из раннего детства Эдгар не помнил ровным счетом ничего, так что здешний дом был для него единственным — и сейчас он покидал его навсегда.

Ему посчастливилось найти работу в другом месте. Вообще с заказами на лодки стало туго после того, как возобновились набеги викингов на юг Англии — Эдгару тогда исполнилось девять. Морские разбойники наводили такой страх, что торговля и рыбная ловля пришли в упадок, лодки нынче покупали лишь отчаянные смельчаки.

В гавани, если не подводило зрение, стояло всего три корабля: две рыбацкие лодки ловцов сельди и франкское торговое судно. Впрочем, на берегу виднелись очертания корабликов поменьше, речных и прибрежных. Одну лодку, вон ту, Эдгар точно помогал строгать местному рыбаку. Но все равно это ерунда, а вот раньше в порту непременно было с дюжину кораблей или даже больше.

С юго-запада, как чаще всего здесь и происходило, налетел порыв свежего ветра. Поднять, что ли, парус? Тот был маленьким, ибо паруса стоили дорого: на изготовление полноразмерного паруса для морского судна одной швее требовалось четыре года. Нет, для короткого перехода по заливу разворачивать парус бессмысленно. Эдгар взялся за весла, благо сил ему было не занимать, с его-то телосложением, плотным, как у кузнеца. Отец и братья тоже выделялись среди местных своими мышцами. Еще бы — дни напролет, шесть дней в неделю, они махали топорами, налегали на тесла и крутили буравы, придавая нужные очертания дубовым до-

скам, из которых строились лодки. Тяжелая работа делала мужчин по-настоящему сильными.

Эдгар приободрился. И так, он сбежал. Его ждала встреча с женщиной, которую он полюбил. Звезды ярко сверкали, песок словно светился, а росчерки пены от весел на воде напоминали девичьи волосы, ниспадающие на плечи.

Ее звали Сунгифу, обычно это имя сокращали до Сунни, и она была подлинным совершенством во всех отношениях.

Вдоль берега тянулась полоса строений, в основном рыбацких сараев, мастерских и торговых складов: вон кузница жестянщика, который снабжал корабелов поделками, что не боялись ржавчины; вон длинная постройка, в которой плели канаты; вон громадная печь смоляра, в которой обжигали сосновые стволы и добывали липучую смолу для обмазки корабельных швов. С воды городок Кум выглядел большим, в нем проживало несколько сотен человек, и большинство из них добывало средства к существованию, прямо или косвенно, за счет моря.

Эдгар бросил взгляд вперед, на дальний берег. В темноте он, конечно, не разглядел бы Сунни, даже выйди та ему навстречу — а она вряд ли придет заранее, ведь встретиться договорились на рассвете. Но юноше было приятно смотреть туда, где вскоре должна появиться его возлюбленная.

Сунни исполнился двадцать один год, она была старше Эдгара больше чем на три года. Все случилось в тот самый день, когда он сидел на берегу и рассматривал обломки ладьи викингов. Да, они сталкивались и раньше — Эдгар знал в лицо всех жителей своего крохотного городка, — но до того он как-то к ней не приглядывался и ничего не знал о ее семье. «Тебя что, тоже на берег выбросило? — спросила она. — Ты сидел тут и не двигался, я приняла тебя за корягу». Он сразу понял, что эта женщина обладает богатым воображением, раз ей пришло в голову этакое сравнение. Эдгар стал объяснять, чем его привлекли обломки, чувствуя, что она поймет. Они проговорили целый час, и юноша влюбился.

Потом она призналась, что замужем, но было уже поздно.

Ее мужу, Кинерику, было тридцать лет. Ее выдали замуж в четырнадцать. Кинерик владел небольшим стадом дойных коров, и Сунни умело управляла молочным хозяйством. С ее деловой хваткой она приносила мужу много денег. Детей у них не было.

Эдгар быстро догадался, что Сунни ненавидит Кинерика. Каждый вечер после дойки тот ходил в таверну под названием «Моря-

ки» и напивался до поросячьего визга. Пока ее муж предавался этому занятию, Сунни сбегала в лес и встречалась с Эдгаром.

Правда, отныне прятаться больше не придется. Сегодня они сбегут — вместе, точнее, уплывут вдвоем. Эдгару предложили работу и дом в рыбацкой деревне в пятидесяти милях по побережью от Кума. Ему повезло отыскать корабела, который нуждался в рабочих руках. У Эдгара не было денег — никогда не было, матушка повторяла, что ему деньги ни к чему, — однако все свои инструменты он сложил заблаговременно в ящик на лодке. Скоро начнется новая жизнь.

Едва народ сообразит, что они с Сунни сбежали, Кинерик будет вправе жениться снова. Жена, сбежавшая с другим мужчиной, тем самым объявляла о разводе, церковь, конечно, такого не одобряла, но обычай есть обычай. По словам Сунни, через несколько недель Кинерик наверняка отправится в сельскую местность и разыщет там какую-нибудь нищую семью с милостивой четырнадцатилетней дочерью. Эдгар порой задавался вопросом, зачем этому мужчине вообще жена: Сунни говорила, что плотские радости его интересовали мало. «Ему нравится, когда кто-то есть рядом, — пояснила она. — Но беда в том, что я повзрослела достаточно, чтобы начать его презирать».

Кинерик не станет их преследовать, даже если узнает, куда они перебрались, — а этого можно не опасаться, по крайней мере в ближайшее время. «Если мы ошибаемся, если он все-таки бросится нас искать, я выбью из него всю дурь», — заявил однажды Эдгар. По выражению лица Сунни было понятно, что она сочла эти слова глупым хвастовством. Разделяя ее чувства, он тогда поторопился добавить: «Но вряд ли до этого дойдет».

Эдгар добрался до дальнего берега, выволок лодку на песок и привязал к валуну.

Он слышал пение молящихся монахов. Монастырь был совсем близко, а в нескольких сотнях ярдов за ним стоял дом Кинерика и Сунни.

Присев на песок, юноша смотрел на темное море и ночное небо и думал о возлюбленной. Сможет ли она ускользнуть из дома так же легко, как удалось ему? Что, если Кинерик проснется и помешает ей уйти? Может начаться драка, ее могут изрядно поколотить. Внезапно возникло искушение все изменить — прямо сейчас вскочить, побежать к ней домой и забрать Сунни силой.

Он сумел подавить это желание. В одиночку она управится лучше. Кинерик наверняка забылся пьяным сном, а Сунни ловкая, как кошка. Она сказала, что ляжет спать, надев на шею свое единственное украшение, серебряную подвеску с затейливой резьбой на кожаном ремешке. В сумку на поясе она собиралась положить иглу с нитками, полезную вещь в пути, а на голову повязать расшитую холщовую ленту, которую обыкновенно носила по особым случаям. Как и Эдгар, она способна выбраться из дома всего за несколько мгновений.

Скоро она будет здесь — глаза блестят от волнения, гибкое тело прижимается к нему... Они обнимутся, обхватят друг друга крепко-крепко, сольются в страстном поцелуе; затем она сядет в лодку, а он столкнет суденышко в воду, и они поплывут к свободе. Отдалившись от берега, он снова ее поцелует, это уж точно. Сколько они вытерпят, прежде чем заняться любовью? Сунни ведь нейдет ничуть не меньше, чем ему самому. Пожалуй, надо выйти на веслах за мыс, там бросить в воду камень на веревке, служивший якорем, а дальше они улягутся прямо на дно лодки; конечно, будет немного неудобно, но кому какое дело? Лодка станет мягко качаться на волнах, и они ощутят голой кожей тепло восходящего солнца.

Или же будет разумнее поставить парус и отойти подальше от города, а уже потом рискнуть остановиться. К наступлению дня хотелось бы очутиться совсем далеко. Разумеется, будет непросто устоять перед соблазном, если Сунни окажется так близко, если она, глядя на него, счастливо улыбнется. Но куда важнее обеспечить их совместное будущее.

Они решили по прибытии в свой новый дом сказать, что уже женаты. До сих пор им не довелось ни разу спать в одной постели. Но с этого дня они каждый вечер будут вместе ужинать, ночи станут проводить в объятиях, а утром будут понимающе улыбаться друг другу.

Эдгар заметил проблеск света на горизонте. Рассвет вот-вот наступит. Значит, Сунни может появиться в любой миг.

Мысли о расставании с семьей все же навевали грусть. Эдгар ничуть не сомневался, что прекрасно проживет без своих братьев, которые до сих пор относились к нему как к глупому несмышленишу и пытались делать вид, будто они умнее, потому что старше. Но он будет скучать по папаше, который с детства рассказывал ему много полезных вещей: «Как бы хорошо ты ни приладил две доски

вместе, их стык всегда будет самым слабым местом». А уж расставание с матушкой и вовсе вызвало слезы на глазах. Она была сильной женщиной. Когда что-то шло не так, она не тратила время на сетования и оплакивание своей судьбы — нет, она решительно бралась за дело, чтобы все исправить. Три года назад папаша подхватил лихорадку и чуть не умер, а матушка взяла на себя управление мастерской: указывала трем сыновьям, что и как делать, собирала долги и следила за тем, чтобы покупатели не вздумали отменять заказы; так продолжалось, пока папаша не выздоровел. Она была вожаком, причем не только в семье. Папаша входил в совет двенадцати старейшин Кума, но именно матушка Эдгара повела за собой горожан, когда тан Уигельм вдруг решил повисить подати.

Пожалуй, все эти мысли побудили бы остаться, но счастливое будущее с Сунни перевешивало.

Неожиданно Эдгар различил в тусклом утреннем свете что-то странное на воде. Он с детства отличался остротой зрения и привык выглядывать корабли на расстоянии, никогда не путал их очертания с гребнями высоких волн или нависающими над морем облаками. Но теперь все казалось каким-то смутным. Он напряг слух, стараясь уловить отдаленные звуки, однако расслышал лишь неумолчный плеск прибоя.

Минуло несколько ударов сердца, и ему почудилось, будто он видит голову чудовища. По спине пробежал холодок. В призрачном свете над водой словно проступили заостренные уши, здоровенные челюсти и длинная шея.

Мгновение спустя он понял, что видит не просто чудовище, а нечто худшее: это ладья викингов с головой дракона на длинном изогнутом носу.

В поле зрения появился второй корабль, потом показались третий и четвертый. Они шли под парусами, подгоняемые усиливающимся юго-западным ветром, споро разрезая волны.

Эдгар вскочил на ноги. Викинги — значит разбойники, насильники и убийцы. Они нападали на побережья и совершали походы вверх против течения рек. Они сжигали города, хватали все, что могли унести, и убивали всех, кроме молодых мужчин и женщин, которых брали в плен и продавали в рабство.

Юноша немного помедлил.

Теперь он видел десять кораблей. Выходит, на борту не менее пятисот викингов.

Может, это все-таки не викинги? Другие корабели перенимали у северян их новшества, старались воспроизвести их самостоятельно, как поступал сам Эдгар. Но он ощущал разницу: в настоящих северных ладьях присутствовала какая-то скрытая угроза, которую не удавалось повторить никому из подражателей.

В любом случае, кто еще мог подкрадываться к берегу на рассвете в таком количестве? Сомневаться не приходилось.

На Кум надвигались силы преисподней.

Надо предупредить Сунни. Если он успеет добраться до нее вовремя, у них еще останется возможность улизнуть.

Эдгар виновато поежился. Все так, его первая мысль была о Сунни, а не о семье. Но родных тоже нужно предупредить. Правда, до них далеко, до Сунни гораздо ближе. Начнем с нее.

Юноша опрометью бросился по берегу, поглядывая под ноги, чтобы не споткнуться в утренних сумерках. Какое-то время спустя остановился и посмотрел на море. Господи, до чего же резвы эти викингские ладьи! На палубах зажглись факелы, ладьи стремительно приближались, одни преодолевали полосу прибоя, а другие уже вылетали на песок. Высадка началась!

Но почему до сих пор не слышно ни звука? Эдгар по-прежнему различал голоса монахов, поглощенных молитвами и не ведающих о грозящей им участи. Они также должны знать... Но ведь он не сможет предупредить всех.

Или сможет? Взглянув на монастырскую колокольню, которая возвышалась на фоне светлеющего неба, Эдгар сообразил, что есть способ предупредить сразу всех — и Сунни, и родных, и монахов, и остальной город.

Он ринулся в сторону монастыря. Из темноты проступила невысокая ограда, и он перепрыгнул через нее, не замедляя шага. Споткнулся, но устоял на ногах и побежал дальше.

У дверей церкви Эдгар оглянулся. Монастырь располагался на небольшом холме, с вершины которого были видны город целиком и залив. Сотни викингов бодро шлепали по отмели на берег и направлялись к городу. Вот загорелась высушенная летним солнцем солома на одной крыше, вот запылала вторая, за ней еще и еще. Юноша знал наперечет все дома в городе и их владельцев, но в тусклом утреннем свете было не понять, какие именно дома горят. Быть может, он опоздал и польхает его собственный дом?

Он распахнул двери. Неф церкви купался в неверном свете свечей. Голоса монахов утратили слитность — один за другим они

умолкали, наблюдая, как Эдгар бежит по проходу. Юноша заметил болтающуюся над полом веревку, схватил ее и резко дернул. К его ужасу, колокол не откликнулся.

Один из монахов отделился от остальных и зашагал к нему. Бритую макушку окружали светлые пряди, по которым Эдгар узнал приора Ульфрика.

— Уйди отсюда, глупый мальчишка! — возмущенно велел настоятель.

Эдгар не стал вдаваться в объяснения.

— Нужно ударить в колокол! — выпалил он в отчаянии. — Почему он не звонит?

Служба прервалась, теперь уже все монахи смотрели на него. Подошел второй из братии, кухонный работник Мервинн, более молодой и не такой напыщенный, как Ульфрик.

— Что стряслось, Эдгар? — спросил он.

— Викинги здесь! — Эдгар вновь схватился за веревку. Раньше он ни разу не пробовал ударить в церковный колокол, и вес махины неприятно его удивил.

— О нет! — простонал Ульфрик. Выражение лица приора сменилось с недовольного на перепуганное. — Боже Всемогущий, спаси и помилуй нас!

— Ты уверен, Эдгар? — уточнил Мервинн.

— Я видел их с берега!

Мервинн подбежал к двери и выглянул наружу. Когда он обернулся, стало видно, что от лица отхлынула кровь.

— Мальчик прав, — проговорил он.

— Бегите! — завопил Ульфрик. — Немедленно!

— Стойте! — возразил Мервинн. — Эдгар, продолжай дергать за веревку. Чтобы колокол зазвонил, понадобится несколько рывков. Давай, у тебя получится. Братья, они скоро будут здесь. По-заботьтесь об имуществе, берите реликварии с останками святых, затем драгоценные украшения и книги. И бегите в лес.

Эдгар буквально повис на веревке, поджимая ноги, и мгновение спустя над монастырем раскатился звон огромного колокола.

Ульфрик схватил серебряный крест и бросился прочь, остальные монахи вели себя по-разному: одни спокойно собирали церковные драгоценности, другие метались из угла в угол и заламывали руки.

Колокол пришел в движение, звон гремел снова и снова, а Эдгар отчаянно дергал за веревку, вкладывая в каждый рывок вес своего тела. Он хотел, чтобы горожане сразу догадались — это не

просто какая-то прихоть сонных монахов, а тревожный набат, сулящий беду всему городу.

Вскоре ему подумалось, что сделано, пожалуй, достаточно. Он бросил веревку и выбежал из церкви.

В ноздри ударил едкий запах горящей соломы: свежий юго-западный ветер жадно раздувал пламя, перетекавшее с крыши на крышу. Утро постепенно вступало в свои права, и было видно, как люди выбегают из домов с младенцами на руках, как волокут за собой детей и тащат все, что было им дорого, — инструменты, домашнюю птицу, кожаные мешки с монетами. Самые резвые уже мчались по полю в сторону леса. Быть может, подумалось Эдгару, кто-то спасется благодаря колоколу.

Сам он устремился в обратную сторону, оббегая друзей и соседей, напрямик к дому Сунни. На его глазах местный пекарь, рано встававший к печи, выскочил на улицу с мешком муки за спиной. В таверне «Моряки» по-прежнему было тихо, застрявших в ней на ночь пьянчуг не разбудил даже набат. Золотых дел мастер Уин успел взобраться на лошадь и привязать к седлу сундучок с добром; животное в панике встало на дыбы, и Уин вцепился в гриву, чтобы не свалиться. Тралл* по имени Грифф нес на руках старуху, свою хозяйку. Эдгар внимательно вглядывался в каждое лицо, чтобы ненароком не пропустить Сунни, но она не показывалась.

А затем он столкнулся с викингами.

Впереди всей шайки шагали с десятков крупных мужчин и две женщины устрашающего вида, все в кожаных куртках, с копьями и топорами. Шлемы они надеть не удосужились, и Эдгар, у которого страх встал комом в горле, сообразил, что викинги не считали нужным по-настоящему защищаться от немощных горожан. Кое-кто успел обзавестись добычей: меч с украшенной драгоценными камнями рукоятью, явно предназначенный для церемоний, а не для битвы; мешок с деньгами; меховые накидки; дорогое седло со стремянами из позолоченной бронзы... Один разбойник вел в поводу белого коня, принадлежавшего, насколько помнил юноша, владельцу рыбацкой лодки, а другой забросил на плечо девичье тело. По счастью, это оказалась не Сунни.

Эдгар сначала попытался, но викингов все прибывало, а бежать было нельзя, потому что ему требовалось отыскать Сунни.

* Тралл (также трэлл) — в англосаксонской Англии раб или зависимый человек.

Несколько отважных горожан решили сопротивляться. Они стояли спиной к Эдгару, так что он не мог сказать, кто это. Кто вооружился топором, кто кинжалом, один мужчина взял в руки лук со стрелами. Но все было бесполезно. Эдгар застыл на мгновение на месте, словно окаменевший, наблюдая, как острые лезвия вспарывают человеческую плоть, слушая, как стонут и воют раненные, подобно животным, впитывая ноздрями запах гниющего города. До сих пор ему доводилось видеть воочию разве что драки между поссорившимися мальчишками или пьяными мужчинами. Потому все для него было в новинку — и пролитая кровь, и выпущенные кишки, и предсмертные вопли. Ужас лишил его сил и бездвигал.

Конечно, торговцы и рыбаки Кума не могли всерьез сопротивляться викингам, для которых насилие было главным ремеслом. Местных мгновенно уничтожили, и викинги двинулись дальше, все более многочисленной толпой.

Эдгар наконец будто отмер и шмыгнул за дом. Нужно как-то оторваться от викингов и все же разыскать Сунни.

Нападавшие двигались по главной улице, преследуя убегающих горожан, а вот между домами и за дома они пока не сошлись. При каждом доме имелось около полуакра земли, большинство горожан держали огороды и выращивали плодовые деревья, а самые богатые ставили курятники и свинарники. Перебегая со двора во двор, Эдгар рванул к жилищу Сунни.

Они с мужем проживали в доме, который ничем не отличался от остальных, вот только к ее дому была пристроена маслодельня — сарайчик, обмазанный кобом, смесью из глины, гравия и соломы, под крышей из тонкой каменной черепицы, нарочно, чтобы внутри всегда было прохладно. Маслодельня стояла на краю небольшого поля, где паслись коровы.

Эдгар распахнул дверь и вбежал в дом.

На полу распростерся Кинерик, невысокий и плотный черно-волосый мужчина. Тростник под телом пропитался кровью, сам Кинерик лежал совершенно неподвижно. Зияющая рана между шеей и плечом перестала кровоточить, и было понятно, что он мертв.

Белый с рыжими подпалинами пес Сунни по кличке Бриндл забился в угол и тяжело дышал, дрожа всем телом, как и все собаки, когда они напуганы.

Но где же Сунни?

У дальней стены виднелась распахнутая настежь дверь, ведущая в маслодельню. Эдгар кинулся туда — и услышал крик Сунни.

Он ворвался внутрь и чуть не уткнулся в спину высокого светловолосого викинга. В маслодельне явно разгорелась схватка: на каменному полу растекалась молочная лужа, длинный желоб, куда клали еду коровам, был опрокинут и отброшен в сторону.

Спустя мгновение Эдгар осознал, что с викингом дерется не кто иной, как Сунни. Ее загорелое лицо перекосилось от ярости, разинутый рот обнажал белые зубы, темные волосы рассыпались по плечам. Викинг держал в одной руке топор, но не спешил замахиваться. Другой рукой он пытался повалить Сунни на земляной пол, а она отбивалась большим кухонным ножом. Очевидно, разбойник возжелал пленить ее, а не убить, потому что крепкая молодая женщина считалась ценной добычей.

Эдгара никто не замечал.

Прежде чем Эдгар успел пошевелиться, Сунни рассекла викингу лицо взмахом ножа, и северянин заревел от боли, когда из раны на щеке хлынула кровь. В ярости он бросил топор, схватил женщину за плечи и швырнул на пол. Она повалилась ничком, и Эдгар содрогнулся, услышав стук, с каким ее голова ударилась о каменную ступеньку у порога. Судя по всему, женщина лишилась чувств. Викинг присел на одно колено, пошарил под курткой и вытащил кожаный шнур, намереваясь, должно быть, связать добычу.

При этом он слегка повернул голову — и краем глаза заметил Эдгара.

На его лице промелькнула тревога, он потянулся за брошенным оружием, но опоздал. Эдгар схватил топор за мгновение до того, как викинг сумел его достать. Это оружие сильно походило на те топоры, какими Эдгару доводилось валить деревья в лесу. Юноша стиснул древко и мимоходом подивился тому, что рукоять и насадка прекрасно сбалансированы. Он шагнул назад, держась вне досягаемости викинга. Тот начал вставать.

Эдгар повел топором перед собой.

Завел за спину, вскинул над головой и наконец опустил вниз, быстро, сильно и четко, одним отточенным движением. Острое лезвие вонзилось в голову разбойнику, прорезало волосы, кожу и череп и глубоко рассекло мозг.

К ужасу Эдгара, викинг не упал замертво, какой-то миг казалось, что северянин отчаянно пытается удержаться на ногах. Но

затем жизнь покинула тело, словно кто-то резко затушил свечу, и викинг рухнул наземь, безвольно раскинув конечности.

Эдгар выронил топор и опустился на колени рядом с Сунни. Ее глаза были открыты, но смотрели в никуда. Он позвал ее по имени, попросил поговорить с ним... Взял ее за руку, попробовал растормошить, поцеловал в губы — и понял, что не ощущает ее дыхания. Положил руку ей на сердце, прямо под мягкой округлостью груди, которую так обожал. Изо всех сил он старался уловить сердцебиение — и зарыдал, когда осознал, что ничего не чувствует. Сунни умерла, ее сердце больше не билось.

Он долго смотрел на нее, будто не веря собственным глазам, затем с беспредельной нежностью прикоснулся к ее векам кончиками пальцев — так нежно, словно опасался причинить ей боль.

Потом медленно подался вперед, его голова опустилась ей на грудь, а его слезы намочили коричневую шерсть ее домотканого платья.

Мгновение спустя его охватил безумный гнев на человека, отнявшего жизнь Сунни. Он вскочил, снова схватил топор и принялся кромсать мертвого викинга, норовя раздробить лоб, выколоть глаза и рассечь подбородок.

Приступ длился недолго, и Эдгар ужаснулся полной безнадежности того, что он только что творил. Какой прок в мести мертвецу? Тут он различил с улицы возгласы на языке, похожем на тот, на котором говорили в Куме, но все-таки на чужом. Эти звуки заставили его вспомнить об опасности положения, в котором он находился. Быть может, он тоже погибнет.

«Все равно, умру я или нет», — подумалось ему, но это настроение тут же исчезло без следа. Повстречай он другого викинга, его собственная голова может расколоться, в точности так, как голова человека у его ног. Охваченный горем, он все-таки испытывал страх при мысли о том, что его зарубят насмерть.

Но что остается делать? Не годится, если его найдут на маслодельне, где валяется тело убитого им викинга; а если выйти наружу, его обязательно схватят и прикончат. Юноша растерянно огляделся, прикидывая, где можно спрятаться. Взгляд упал на перевернутый желоб для кормежки коров. Эта грубая деревянная конструкция выглядела достаточно большой для того, чтобы укрыться под нею.

Он лег на пол и потянул желоб на себя. Потом спохватился, приподнял желоб и подтянул к себе топор.

Сквозь щели между досками желоба пробивался слабый свет. Эдгар замер и стал напряженно вслушиваться. Дерево несколько приглушало звук, но до слуха доносились истошные вопли. Было страшно вот так лежать и ждать, что какому-то викингу взбредет в голову проявить любопытство и заглянуть под желоб. Если так случится, решил Эдгар, он попытается ударить топором, но будет непросто, ибо он лежит, а противник будет стоять.

Послышался собачий скулеж, должно быть, Бриндл подобрался к перевернутому желобу. Эдгар шикнул на пса, но его голос, похоже, только приободрил того, и Бриндл заскулил громче.

Эдгар выругался, приподнял край кормушки, протянул руку и подтащил пса. Бриндл прилег рядом и замолчал.

Юноша ждал, прислушиваясь к суматохе резни и разрушения.

Бриндл начал слизывать мозги викинга с лезвия топора.

* * *

Эдгар не мог сказать, как долго он пролежал под кормушкой. Когда потеплело, он подумал, что солнце уже поднялось высоко. В конце концов шум снаружи стих, но как узнать, что викинги уже убрались? Всякий раз, гадая, выглянуть наружу или нет, юноша решал не рисковать жизнью. А затем вспоминал Сунни и начинал плакать.

Бриндл дремал у него под боком, но время от времени собака скулила и вздрагивала. Интересно, подумалось Эдгару, снятся ли собакам дурные сны.

Самому ему доводилось попадать в такие сны: он то тонул вместе с кораблем, то оказывался под падающим дубом, то спасался от лесного пожара. Просыпаясь после таких снов, он испытывал сильное облегчение, глаза были на мокром месте. Неужто и нападение викингов может быть всего-навсего дурным сном, от которого он рано или поздно проснется — и выяснит, что Сунни по-прежнему жива? Однако проснуться не получалось.

Наконец он услышал голоса, говорившие на привычном англо-саксонском. Но все еще медлил и вслушивался. Голоса звучали встревоженно, а не испуганно, в них ощущалось горе, а не страх за свою жизнь. Это определенно должно означать, что викинги ушли, сказал себе Эдгар.

Сколько его друзей разбойники увели, чтобы продать в рабство? Сколькоtrupов его соседей оставили за собой? Жива ли его семья?

Бриндл хрипло зарычал и попытался встать. Под желобом псу было не повернуться, однако он явно чувствовал, что вылезать опасно.

Эдгар приподнял желоб. Бриндл немедленно выбрался наружу. Эдгар последовал за ним, сжимая в руке топор викинга, и опустил желоб обратно на пол. Он распрямил ноющие конечности и повесил топор на пояс.

Потом осторожно выглянул на улицу.

Город погиб.

На мгновение юноша застыл в полном смятении. Как такое вообще возможно? Впрочем, о чем тут говорить?.. Почти все дома сгорели дотла. Некоторые до сих пор тлели. Кое-где остались стоять каменные сооружения, и потребовалось время, чтобы их опознать. В монастыре было два каменных здания: церковь и двухэтажный дом с трапезной на первом этаже и дормиторием наверху. Но в самом Куме тоже имелось две каменные церкви. Затем Эдгар отыскал взглядом остатки дома Уина — золотых дел мастер при помощи каменной кладки защищал свое имущество от воров.

Коровы Кинерика выжили и теперь сгрудились посреди огороженного пастбища; вообще домашний скот считался ценной добычей, но, рассудил Эдгар, викинги решили, по-видимому, что животные займут слишком много места на бортах кораблей, — подобно всем налетчикам, эти разбойники предпочитали деньги и небольшие дорогостоящие предметы вроде украшений.

Горожане ошеломленно бродили среди развалин, почти не разговаривали между собой, разве что горестно восклицали и бранились.

На якоре в гавани виднелись все те же три судна, а ладьи викингов исчезли.

Юноша заставил себя повернуться к трупам на полу маслобойни. Викинг едва мог сойти за человеческое существо, и Эдгару как-то не верилось, что это он такое с ним учинил. Кто бы мог подумать...

Сунни словно продолжала мирно спать. Никаких зримых следов удара о каменный порог. Глаза были полуоткрыты, и Эдгар их закрыл. Он опустился на колени, снова попробовал нащупать сердцебиение, понимая, что надеяться глупо. Ее тело успело остыть.

Что он должен сделать? Возможно, он сумеет помочь ее душе попасть в рай. Монастырь цел, значит, надо отнести ее к монахам.

Он обнял Сунни. Поднять тело оказалось труднее, чем он ожидал. При жизни она была стройной, а Эдгар не жаловался на от-

существование сил, но неподатливое тело так и норовило выскользнуть, а потому, когда он вставал, пришлось прижать ее к груди куда крепче, чем ему бы хотелось. Это грубое объятие и осознание того, что она не чувствует боли, лишний раз напомнило о ее смерти и заставило рыдаться.

Он прошел через дом, мимо тела Кинерика, и вышел на улицу. Бриндл трусил за ним.

Похоже, дело к полудню, хотя сказать наверняка было трудно из-за пепла в воздухе и дыма от тлеющих углей; над развалинами витал отвратительный запах горелой человеческой плоти. Выжившие озадаченно оглядывались, будто отказываясь признавать случившееся. Люди возвращались из леса, некоторые гнали перед собой скот.

Эдгар двинулся к монастырю. Тело Сунни оттягивало руки, но он наслаждался этой болью, обретая в ней утешение. Но вот ее глаза то и дело приоткрывались, отчего он испытывал непреходящую досаду. Ему хотелось, чтобы Сунни выглядела спящей.

Никто не обращал на него внимания, всем хватало своих забот и хлопот. Он добрался до церкви и вошел внутрь.

Как выяснилось, податься сюда пришло на ум не только ему. Вдоль нефа лежали многочисленные тела, а рядом стояли или сидели на коленях живые. Приор Ульфрик шагнул навстречу Эдгару — во взоре настоятеля плескалось безумие — и строго спросил:

— Жива или мертва?

— Это Сунгифу, и она мертва, — ответил Эдгар.

— Мертвых кладут с восточной стороны, — сообщил Ульфрик, слишком озабоченный, чтобы щадить чьи-либо чувства. — В неф сносят раненых.

— Пожалуйста, помолитесь за ее душу.

— Мы отпоем всех погибших.

— Я поднял тревогу, — возразил Эдгар. — Быть может, спас тебе жизнь. Пожалуйста, помолись за нее.

Ульфрик промолчал и удалился.

Эдгар увидел, что брат Мервинн перевязывает ногу раненому мужчине, а тот скулит от боли. Когда Мервинн наконец встал, юноша попросил его:

— Будь добр, помолись за душу Сунни, хорошо?

— Да, конечно, — отозвался Мервинн и осенил крестным знаменем чело Сунни.

— Спасибо.

— Положи ее у восточной стены.

Эдгар прошел по нефу мимо алтаря. В дальнем конце церкви лежали аккуратными рядами два или три десятка тел, на которые взирали скорбящие родственники. Юноша осторожно уложил Сунни к остальным, распрямил ее ноги и скрестил руки на груди, а затем поправил ей волосы. Ему захотелось стать священником и самому помолиться о ее душе.

Он долго стоял на коленях, глядя в ее неподвижное лицо, изо всех сил пытаясь осознать, что никогда больше она не посмотрит на него с милой улыбкой.

Но постепенно верх взяли заботы о живых. Живы ли его родители? Уцелели ли братья или их увезли в рабство? Всего несколько часов назад он собирался покинуть свою семью навсегда. Однако теперь без них не обойтись, иначе он останется один на всем белом свете.

Он пробыл подле Сунни еще немного и покинул церковь; Бриндл по-прежнему тащился за ним.

Снаружи Эдгар задумался, как поступить, и решил пойти к себе домой. Дом, конечно, спалили налетчики, но, возможно, он отыщет семью или какую-то подсказку по поводу того, где могут быть родичи.

Самый быстрый путь вел по берегу. Направляясь к морю, Эдгар гадал, уцелела ли его лодчонка. Он привязал ее в отдалении от ближайших домов, так что, если повезло, она ждет хозяина в целости и сохранности.

По пути к морю он столкнулся с матерью, которая возвращалась в город из леса. Заприметив родное — суровое, жесткое — лицо и узнав целеустремленную походку, Эдгар испытал такое облегчение, что едва устоял на ногах. Матушка держала в руках бронзовый котелок — наверное, единственное, что успела забрать из дома. Взгляд ее был полон грусти, но плотно сжатые губы говорили, что сдаваться она не намерена.

Когда она увидела Эдгара, то грусть в глазах мгновенно исчезла. Матушка обняла его, прильнула лицом к его груди и всхлипнула:

— Мой мальчик, мой Эдди! Ты жив, хвала небесам!

Он обнял ее в ответ и зажмурился, чтобы не разреветься. До этого мига он сам не понимал, как сильно за нее волновался.

За спиной у матушки стояли Эрман, смуглый, как она, но скорее озлобленный, чем решительный, и Эдбальд, светлокожий и веснушчатый; а вот отца не было.

— Где отец? — спросил юноша.

— Он велел нам бежать, — ответил Эрман. — А сам остался в мастерской.

Очень хотелось упрекнуть братьев за то, что они бросили отца, но сейчас было не до взаимных обвинений; вдобавок и сам Эдгар прятался от викингов.

Матушка разжала руки.

— Мы возвращаемся домой, — сказала она. — Если есть куда возвращаться.

Они двинулись к берегу. Матушка шагала быстро, нетерпеливо, словно торопилась узнать правду, какой бы горькой та ни была.

— А ты быстро удрал, братишка, — проворчал Эрман. — Почему ты нас не разбудил?

— Я всех разбудил, — возразил Эдгар. — Это я ударил в монастырский колокол.

— Ну да, рассказывай.

Это было вполне в духе Эрмана — затеять ссору в такое время. Эдгар отвернулся и промолчал. Ему было плевать на брата и его слова.

На берегу выяснилось, что лодка Эдгара пропала. Наверняка ее забрали викинги, уж они-то разбираются в добротных кораблях. К тому же лодку увести проще, чем корову, — привязал к корме одной из ладей и тащи за собой.

Неприятная потеря, но Эдгар ничуть не огорчился. Подумаешь, какая ерунда, по сравнению со смертью Сунни.

Шагая по берегу, они наткнулись на тела женщины и юноши возраста Эдгара. Явно мать и сын. Быть может, викинги ее убили, когда она пыталась помешать им забрать ее сына в рабство.

В нескольких ярдах лежал еще один труп. Эдгар заглядывал в лицо каждому телу, узнавал друзей и соседей, но отца среди них не было, и он начал надеяться, что папаша, возможно, все-таки выжил.

От дома остался только очаг, над которым возвышалась железная тренога.

Поодаль от развалин лежал отец. Матушка испустила душераздирающий крик и упала на колени. Эдгар присел рядом с ней и обвил рукой подрагивающие плечи.

Отцу отсекли правую руку по самое плечо — должно быть, топором, — и он, похоже, истек кровью. А ведь совсем недавно это была рука сильного и умелого мужчины. На глаза Эдгара навернулись слезы, горечь утраты в груди мешалась с гневом.

Он услышал слова Эдбальда:

— На двор посмотрите.

Эдгар встал и вытер глаза. Сначала он не понял, что именно видит, пришлось снова протереть глаза.

Двор сгорел. Лодка на помосте и запас древесины превратились в груды золы заодно с бочонком смолы и веревкой. Уцелел только точильный камень, на котором еще вчера острили инструменты. Среди пепла Эдгар разглядел обугленные кости, слишком мелкие для человеческих, видно, бедный старый Грендель сгорел прямо на цепи.

На этом дворе хранилось все семейное богатство.

Эдгар понял, что потеряли они не только двор, но и все средства к существованию. Даже если найдется кто-то, согласный заказать лодку у трех подмастерьев, строить ее нет дерева, нет инструментов для работы по дереву и нет денег на покупку всего, что им могло бы понадобиться.

Матушка, верно, припасла в кошеле несколько серебряных пени, но лишних денег в семье никогда не водилось, а доходы папаша вечно тратил на покупку древесины. Он любил повторять, что хорошее дерево лучше серебра, потому что его труднее украсть.

— У нас ничего не осталось, и работать нам нечем, — проговорил Эдгар. — Что, разрази меня гром, мы будем делать?

2

Суббота, 19 июня 997 г.

Епископ Уинстен Ширингский натянул поводья на вершине холма и посмотрел вниз, на городок Кум. От самого городка, собственно, мало что осталось, лучи летнего солнца падали на серую пустыню.

— Даже хуже, чем я ожидал, — сказал Уинстен. Единственным признаком того, что жизнь все-таки продолжается, были несколько неповрежденных кораблей и лодок в гавани.

Приблизился брат епископа, Уигельм.

— Всех викингов до единого надо сварить заживо!

Уигельм был таном, принадлежал к богатым землевладельцам. На пять лет моложе тридцатилетнего Уинстена, он до сих пор частенько впадал в ярость по любому поводу.

На сей раз Уинстен согласился.

— На медленном огне, — прибавил он.

Их разговор услышал старший из единокровных братьев. По обычаю, имена в семье давали схожие, так что старший, сорокалетний, носил имя Уилвульф, но откликнулся на Уилфа. Он был элдорменом* Ширинга, то есть правителем той части западной Англии, где находился Кум.

— Должно быть, вы раньше не видели города после набега викингов. Да, вот так это выглядит.

Они направили коней к разрушенному городу, за спинами держались немногочисленные вооруженные воины. Уинстен знал, что со стороны они смотрятся внушительно — трое высоких и крепких мужчин в дорогой одежде, верхом на отличных конях. Уилвульф надел синюю рубаху до колен и кожаные башмаки; Уигельм выбрал красное, а сам Уинстен облачился в простую черную накидку до щиколоток, как подобало священнослужителю, однако пошитую из отменной ткани. На шее у него висел большой серебряный крест на кожаном ремешке. Все трое братьев щеголяли пышными светлыми усами, но бород не носили, как было заведено у богатых англов**. Густые светлые кудри ниспадали на плечи Уилвульфу и Уигельму, Уинстен брил макушку, по обыкновению всех священнослужителей. Словом, братья казались людьми зажиточными и важными, какими и были на самом деле.

Безутешные горожане бродили среди развалин, копались в мусоре и складывали жалкие кучки уцелевшего имущества — обезображенные огнем предметы металлической кухонной утвари, почерневшие от пламени костяные гребни, треснувшие горшки и испорченные инструменты. Рядом куры клевали землю, а свиньи с хрюканьем рылись в пепелище в поисках чего-либо съедобного. Пахло пожарищем, и Уинстен вдруг понял, что старается задержать дыхание.

Чем ближе подъезжали братья, тем больше горожан поворачивались к ним, тем больше лиц светились надеждой. Многие были знакомы с братьями, а те, кто никогда не видел их раньше, по

* В англосаксонской Англии титул знатного человека, власть которого в конкретной местности не зависела от одобрения короны. Элдормены собирали ополчения и предпринимали военные походы, вершили суд и принимали подати. Позднее этот титул был вытеснен титулом «эрл» (граф).

** Здесь и далее под «англами» и «англичанами» имеются в виду англосаксы — преобладающее население острова Англия в тот исторический период, о котором идет речь. На остров они прибыли с континента (завоевание длилось почти два столетия) и оттеснили на север и запад местные племена кельтов-бриттов.

облику догадывались, что приехали люди могущественные. Кто-то громко поздоровался, кто-то захопал в ладоши. Горожане бросали свои скорбные дела и следовали за братьями. Судя по выражению лиц, жители Кума твердо верили, что эта величаявая троица все исправит.

Братья остановили коней на открытом участке между церковью и монастырем. Мальчишки, отталкивая друг друга, кинулись принимать повода, когда они спешили. Навстречу шагнул приор Ульффрик, седые волосы которого почернели от грязи и копоти.

— Милорды, город отчаянно нуждается в вашей помощи! Люди...

— Помолчи! — перебил Уинстен, и его звучный голос раскатился над печальным гомоном толпы. Братья ничуть не удивились, поскольку Уинстен заранее предупредил их о своем намерении.

Горожане послушно умолкли.

Уинстен снял крест с шеи и высоко воздел над головой, затем повернулся и медленно, как положено на службе, двинулся к церкви.

Братья не отставали, а следом потянулись все остальные.

Епископ вошел в церковь и все тем же неспешным шагом направился вдоль прохода, искоса посматривая на ряды раненых на полу, но не поворачивая головы. Те, кто был в состоянии, кланялись или преклоняли колени при виде воздетого креста. У дальней стены виднелись неподвижные тела погибших.

Подойдя к алтарю, епископ простерся ниц, замер недвижимо, припав лицом к земляному полу; его правая рука, с зажатым в пальцах крестом, словно указывала на алтарь.

Он пролежал так довольно долго, а местные молча наблюдали. Наконец Уинстен поднялся на колени, раскинул руки в мольбе и горестно спросил:

— Господи, чем мы Тебя прогневили?

Из-за спины донесся звук, напоминавший общий вздох.

— В чем мы согрешили? — продолжал епископ. — За что Ты нас караешь? Взываем о прощении, о Всевышней!

Это была наполовину молитва, наполовину проповедь. Уинстену требовалось внушить жителям Кума, что беда, которая обрушилась на их дом, случилась по воле Божьей. Набег викингов следовало воспринимать как наказание за грех.

Впрочем, одними только упреками и увещаниями делу не поможешь, предстояло погрузиться в повседневные хлопоты, поэтому Уинстен не стал затягивать с напутствием.

— Сейчас, приступая к восстановлению нашего города, — изрек он в заключение, — мы должны удвоить свои усилия, показать себя смиренными и богобоязненными христианами во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

— Аминь, — откликнулась толпа.

Епископ выпрямился, повернулся так, чтобы все увидели его залитое слезами лицо, и повесил крест обратно на шею.

— А теперь, пред ликом Божиим, я призываю моего брата, эдормена Уилвульфа, совершить правый суд.

Бок о бок Уинстен и Уилвульф прошли по нефу к дверям, за ними шагали Уигельм и Ульфрик. Горожане следовали за ними.

Снаружи Уилвульф огляделся.

— Я буду вершить суд прямо тут.

— Очень хорошо, милорд. — Ульфрик щелкнул пальцами и велел ближайшему монаху: — Принеси кресло. — После чего снова повернулся к Уилвулфу: — Чернила и пергамент понадобятся, эдормен?

Уилвульф умел читать, но письмом не овладел. Уинстен, как и большинство высокопоставленных священнослужителей, был сполна обучен грамоте, а вот Уигельм оставался неграмотным.

— Думаю, мы вряд ли будем что-то записывать, — сказал Уилвульф.

Внимание Уинстена отвлекла высокая женщина лет тридцати в драном красном платье, привлекательная, несмотря на пятно пепла на щеке. Говорила она очень тихо, но он разбирал каждое слово, проникнутое отчаянием.

— Помоги мне, милорд епископ, молю тебя! — произнесла она.

Уинстен отмахнулся:

— Не приставай ко мне, глупая сука.

Он знал эту женщину — Мэгсвит, если коротко, то Мэгс. Она жила в большом доме с десятком или дюжиной других женщин — одни были рабынями, другие добровольно возлежали с мужчинами за деньги.

— Уж ты точно не первая из тех, кому я сострадаю в Куме, — добавил он, не глядя на нее, негромко, но решительно.

— Но викинги забрали всех моих девушек и похитили мои деньги! Значит, теперь все стали рабынями, подумалось Уинстену.

— Обсудим позже, — проворчал он, а затем возвысил голос, покосившись на людей поблизости: — Прочь с глаз моих, мерзкая блудница!

Мэгс немедленно отступила.

Два монаха приволокли большое дубовое кресло и поставили его посреди открытого пространства. Уилвульф сел в кресло, Уигельм стоял слева от него, а Уинстен расположился справа.

Пока горожане собирались вокруг, братья вполголоса переговаривались между собой. Все трое привыкли получать доход от Кума. Этот городок был вторым по значимости поселением во владениях Уилвульфа, уступал только Ширингу. Каждый дом платил подать Уигельму, который делился доходами с Уилвульфом. Также с горожан взимали десятину в пользу церкви, а та отчисляла долю епископу Уинстену. Еще Уилвульф брал подати с вывоза и ввоза товаров через местный порт, а Уинстен исправно получал средства от монастыря; Уигельм же обложил поборами рубку леса. Но два дня назад весь этот поток богатств прервался.

Уинстен мрачно предрек:

— Похоже, тут еще долго никто ничего не заплатит.

Придется ужаться в расходах. А ведь епархия и без того не слишком прибыльная. Вот будь он, подумалось Уинстену, архиепископом Кентерберийским, беспокоиться было бы не о чем — все богатства церкви на юге Англии были бы в его распоряжении. А у епископа Ширинга возможности крайне скромные. Надо прикинуть, от чего предстоит отказаться. Брр! Он ненавидел отказываться от удовольствий.

Уигельм пренебрежительно махнул рукой:

— У всех горожан припрятаны денежки. Пригрозишь вспороть брюхо — тут же сами выложат.

Уилвульф покачал головой:

— Не глупи, брат. — Этот совет он повторял Уигельму неоднократно. — Большинство горожан потеряли все, что у них было. Ни еды, ни средств, чтобы ее купить, ни способов заработать... По зиме они начнут собирать желуди на суп. Те, кому посчастливилось выжить, ослабеют от голода. Дети станут умирать от болезней, старики будут падать без сил и ломать себе кости, а молодые и крепкие попросту сбегут отсюда.

Уигельм досадливо насушился:

— Так что нам делать?

— Мы поступим мудро, если умерим наши притязания.

— Что, вот прямо так взять и отменить подати?

— Глупец! Мертвые податей не платят. Если эта кучка выживших снова займется рыбной ловлей, ремеслом и торговлей, быть может, следующей весной они и смогут нас содержать.

Уинстен согласно кивнул. Уигельм явно был против, но спорить не стал: в конце концов, Уилвульф был старшим — по возрасту и по положению.

Когда все было готово, Уилвульф произнес:

— Что ж, приор Ульфрик, поведай нам, как все было.

Начался суд элдормена.

Ульфрик сказал:

— Викинги явились два дня назад, на рассвете, когда все спали.

Уигельм процедил:

— Почему вы не отбились от них? Струсили?

Уилвульф вскинул руку, призывая к тишине.

— Все по порядку. — Он повернулся к Ульфрику: — Приор, впервые на моей памяти викинги напали на Кум. Тебе известно, откуда приплыла эта шайка?

— Нет, милорд. Надо поспрашивать людей — может, кто из рыбаков заметил их ладьи в море?

Подал голос дородный мужчина с седой бородой:

— Мы никого не видели, господин.

Уигельм, который лучше своих братьев знал горожан, пояснил:

— Это Маккус. Ему принадлежит самая большая лодка в городе.

Маккус продолжал:

— Как по-нашему, разбойники осели по ту сторону пролива, в Нормандии. Говорят, будто они там копят силы, потом приплывают к нам, грабят и продают добычу норманнам, да проклянет Господь их бессмертные души.

— Звучит правдоподобно, — признал Уилвульф, — но толку от этих сведений немного. В Нормандии длинная береговая линия. Какой там ближайший порт, Шербур?

— Вроде бы да, — отозвался Маккус. — Мне рассказывали, что он расположен на мысу, который выдается далеко в пролив. Сам я там не бывал.

— Я тоже, — сказал Уилвульф. — Вообще из местных кто-нибудь туда плывал?

— Разве что в прежние времена, — честно ответил Маккус. — Нынче нам боязно в этукую даль соваться. Кругом же викинги, с ними никто не желает связываться.

Уигельм не терпел подобных разговоров.

— Мы должны собрать флот и отправиться в Шербур, — процедил он. — Спалим там все дотла, как они спалили Кум!

В толпе вокруг раздались одобрительные возгласы — молодежь поддержала тана.

— Кому взбредет в голову напасть на норманнов, тот ничего о них не знает, — рассудительно проговорил Уилвульф. — Они ведь потомки викингов. Пускай сегодня они слегка присмирели, но жестокость у них в крови. Кстати, кто-нибудь может ответить, почему на нас нападают именно викинги, а не норманны?

Хмурый Уигельм промолчал.

— Эх, хотел бы я знать больше о Шербуре, — мечтательно про-
тянул элдормен.

Некий молодой человек из толпы вдруг сказал:

— Я был там один раз, милорд.

Уинстен с любопытством посмотрел на него.

— Ты кто такой?

— Эдгар, сын корабела, милорд епископ.

Уинстен внимательно оглядел парня. Среднего роста, но муску-
листый, как и положено корабелам. Волосы светлые с рыжева-
тым отливом, борода узким клинышком. Говорил он вежливо, но
без страха, как будто ничуть не смущаясь высокого положения тех,
к кому обращался.

— Как тебе случилось оказаться в Шербуре? — уточнил епи-
скоп.

— С отцом приплыл. Мы доставляли туда лодку, которую по-
строили здесь. Это было пять лет назад. Наверное, сейчас там все
по-другому.

— Уже хоть что-то, — благосклонно заметил Уилвульф. — Ну,
юноша, что ты помнишь?

— Помню просторную гавань, в которой можно разместить
множество кораблей и лодок. Правил городом граф Хьюберт, или,
на местный лад, Юбер, — наверное, до сих пор правит, он еще не
старик был.

— Понятно.

— Также помню дочь графа, Рагну. Рыжие волосы...

— Удалой малец, сразу глаз положил. — Уилвульф хмыкнул.

В толпе засмеялись.

Покрасневший Эдгар повысил голос, перекрывая смех:

— Я видел там каменную башню.

— Вот! Что я тебе говорил? — Уилвульф повернулся к Уигель-
му. — Будет самоубийством нападать на город с каменными укреп-
лениями.

— Пожалуй, я кое-что придумал, — задумчиво произнес тан.

— Так поделись.

— А не подружиться ли нам с этим графом Хьюбертом? Его можно убедить, что христиане, будь они норманны или англ, должны сообща сражаться против кровожадных викингов, которые поклоняются Одину.

Епископ Уинстен знал, что викинги, осевшие на севере и востоке Англии, частенько принимали христианскую веру, но их братья-мореплаватели по-прежнему цеплялись за старых языческих богов.

— Неплохая мысль, Уилф. Ты умеешь быть убедительным, когда тебе этого хочется, — сказал Уинстен с ухмылкой. Он не льстил: Уилвульф и вправду обладал неким суровым обаянием.

— Не знаю, не знаю, — проворчал Уилвульф.

— Да ладно тебе, братец! — Уинстен заговорил тише, чтобы не подслушали любопытные горожане. — Что, о короле Этельреде вспомнил? Мол, с чужестранцами дела вести — это королевская привилегия?

— Вот именно.

— Предоставь это мне. Я все улажу.

— Как ни крути, надо что-то делать, не то треклятые викинги окончательно разорят мои владения, — посетовал Уилвульф. — Ну, какие еще разумные предложения будут?

Толпа негромко загомонила, но вперед никто не лез. Для горожан, как чувствовал Уинстен, все слова о дружбе с норманнами были пустыми обещаниями. Помощь-то Куму требовалась здесь и сейчас, люди рассчитывали, что трое братьев не бросят их в беде. Знатным полагалось защищать простолюдинов, тем самым подтверждая свое право на богатство и власть, но вышло так, что братья не сумели обеспечить безопасность Кума. Теперь от них ждали, что они не допустят такого впредь.

Очевидно, Уилвульф подумал о том же.

— Ладно, поговорим о насущном. Приор Ульфрик, чем людей кормят?

— Едой из монастырских запасов, которые не были разграблены, — ответил Ульфрик. — Викинги побрезговали рыбой с бобами, им лишь бы золота да серебра утащить.

— А где люди спят?

— В церкви, вместе с ранеными.

— А мертвых куда кладете?

— У восточной стены церкви.

— Уилф, позволь спросить? — вмешался Уинстен.

Элдормен кивнул.

— Спасибо. — Епископ повысил голос, чтобы все его услышали: — Жители Кума! Сегодня на закате я отслужу поминальную службу за всех погибших. Даю вам позволение выкопать братскую могилу. В такую теплую погоду трупы, не приведи Господь, способны перезаражать живых, так что все мертвые тела нужно похоронить до конца завтрашнего дня.

— Разумеется, милорд епископ, — тут же подхватил Ульффрик. Уилвульф оглядел толпу горожан и нахмурился.

— Навскидку здесь собралось около тысячи человек. То есть выжила половина городского населения. Это много. Как им удалось спастись от викингов?

— Милорд, один юноша, который встал рано поутру, заметил приближение врага и побегал в монастырь, чтобы нас предупредить. — Ульффрик чуть замялся. — Мы забили в колокол...

— Повезло, — коротко оценил Уилвульф. — Что за юноша?

— Эдгар, тот самый, что рассказывал о Шербуре. Младший из трех сыновей местного корабеля.

Везде успел, усмехнулся про себя Уинстен.

— Ты хорошо потрудился, Эдгар, — одобрил элдормен.

— Благодарю, милорд.

— Чем ты намерен заняться?

Эдгар держался стойко, однако епископ Уинстен видел, что юноше страшно, будущее его пугает.

— Не могу сказать, милорд. Мой отец был убит, наш дом сгорел вместе со всеми инструментами и запасом древесины.

Уигельм не утерпел.

— Некогда обсуждать каждую семью по отдельности. Надо решить, что будет со всем городом.

Уилвульф согласно кивнул.

— Люди должны восстановить свои дома до наступления зимы. Уигельм, ты откажешься от податей, которые должны быть выплачены в мидсмер^{*}. — Обычно подати вносили четыре раза в год,

^{*} Праздник середины лета, обычно приурочивался к летнему солнцестоянию; также календарная дата годового аграрного цикла, день расчетов крестьян с землевладельцами.

в так называемые четверные дни* — на день святого Иоанна, в двадцать четвертый день июня, на Михайлов день двадцать девятого сентября**, на Рождество двадцать пятого декабря и на Благовещение двадцать пятого марта.

Уинстен покосился на Уигельма. Тан выглядел недовольным, но возражать не отважился. Впрочем, злиться глупо, у горожан все равно нет средств на уплату податей, так что Уилвульф, по сути, ничем брата не обделил.

Какая-то женщина из толпы выкрикнула:

— И на Михайлов день, милорд, если можно!

Уинстен поискал взглядом ту, что кричала. Невысокая и крепкая на вид женщина лет сорока...

— Вот на Михайлов день и решим. Все от вас зависит. — Уилвульф ловко ушел от прямого ответа.

Женщина не унималась:

— Нам нужны доски, чтобы отстроить наши дома, но мы не можем платить за лес.

Уилвульф негромко спросил Уигельма:

— Кто это?

— Милдред, жена корабела, — ответил тан. — Местная возмутительница спокойствия.

Внезапно епископа посетила занятая мысль.

— Кажется, братец, я могу тебя от нее избавить.

Уилвульф вполголоса заметил:

— Кто бы она ни была, но эта женщина права. Уигельму придется раздавать древесину бесплатно.

— Хорошо, — неохотно согласился Уигельм и повернулся к толпе: — Люди, вы можете брать дерево без платы, но это касается только жителей Кума, которые займутся восстановлением своих домов. Разрешение действует до Михайлова дня.

Уилвульф встал с кресла.

* В британской и ирландской традиции четверные, или квартальные (*англ.* quarter days) дни делили год на четыре отрезка. В эти дни, приуроченные к религиозным праздникам, близко к равноденствиям и солнцестояниям, полагалось нанимать слуг, начинать или продолжать после перерыва учебу и выплачивать подати и ренту.

** Следует отметить, что в описываемую эпоху Михайлов день отмечали, скорее, 11 октября (так называемый старый Михайлов день), а дата 29 сентября утвердилась постепенно благодаря распространению католицизма (это дата освящения римской базилики Святого Михаила в V в.). Также нужно различать Михайлов день в православии и католицизме — в православном календаре архангела Михаила чествуют 21 ноября.

— Думаю, на этом пока все, — сказал он. — Уигельм, потолкуй с тем рыбаком Маккусом. Выясни, готов ли он доставить меня в Шербур, что хочет получить в оплату, сколько времени займет плавание — в общем, все подробности.

Толпа глухо зароптала. Люди не скрывали своего разочарования. Обычная история, подумал Уинстен, от власти вечно ожидают чудес. Несколько горожан подались вперед, явно рассчитывая обратиться с личными просьбами. Охрана элдормена шагнула им навстречу.

Уинстен отделился от братьев. У дверей церкви он снова столкнулся с Мэгс. Та явно решила подольститься.

— Пошли внутрь, и я тебе отсосу, — деловито предложила она. — Сам говоришь, я делаю это лучше, чем любая молоденькая.

— Хватит нести чушь! — Уинстен поморщился. Моряку или рыбаку все равно, если его застанут за подобным, но епископ должен соблюдать осторожность. — Короче, к делу. Сколько тебе нужно?

— Ты о чем?

— Сколько тебе нужно денег, чтобы восполнить пропажу девок? — пояснил Уинстен. Он привык хорошо проводить время в заведении Мэгс и надеялся вернуть прежние порядки. — Сколько ссудить? Поторопись, женщина.

Мэгс давно научилась справляться с перепадами мужского настроения, поэтому ей не составило труда отбросить игривость и перейти на деловой тон.

— Молодые и свежие рабыни на Бристольском рынке стоят по фунту за голову.

Уинстен кивнул. В Бристоле, в нескольких днях пути от Кума, имелся большой невольничий рынок.

Епископ, как всегда, не медлил с решением.

— Если я дам тебе десять фунтов, сможешь вернуть мне двадцать через год?

Глаза Мэгс сверкнули, но женщина притворилась, будто сомневается.

— Ну, не знаю... С кого брать-то?

— Всегда найдутся заходжие моряки. Да и новые девушки привлекают больше мужчин. В твоем ремесле никогда не бывает недостатка в спросе.

— Сойдемся на полутора годах?

— Тогда с тебя двадцать пять фунтов на Рождество через год.

Мэгс скривилась, но все же согласилась.

— Идет.

Уинстен подозвал Кнеббу, верзилу в железном шлеме, который охранял епископские деньги.

— Выдай ей десять фунтов, — велел он.

— Сундук в монастыре, — сказал Кнебба. — Идем со мной, женщина.

— Не вздумай ее надуть, — предупредил Уинстен. — Можешь с нею позабавиться, если захочешь, но чтобы выдал полные десять фунтов.

— Да благословит тебя Всевышний, милорд епископ, — поблагодарила Мэгс.

Уинстен коснулся пальцем ее губ.

— Отблагодаришь меня позже, когда стемнеет.

Она стиснула его руку и сладострастно облизала палец.

— Не могу дождаться.

Уинстен поспешил уйти, пока никто не заметил выходки Мэгс.

Он оглядел толпу. Люди, конечно, огорчены и даже возмущены, но с этим ничего не поделаешь. Он перехватил взгляд юнца, сына корабела, и поманил юношу к себе. Эдгар послушно подошел к дверям церкви, за ним бежала белая в подпалинах псина.

— Приведи свою мать, — распорядился Уинстен. — И братьев тоже. Возможно, я сумею вам помочь.

— Хвала небесам! — обрадованно воскликнул Эдгар. — Вам нужно построить корабль?

— Нет.

Радость моментально исчезла.

— А что тогда?

— Приведи свою мать, и я все объясню.

— Хорошо, господин.

Эдгар вскоре вернулся с Милдред, которая настороженно смотрела на Уинстена, и двумя молодыми людьми, очевидно своими братьями: оба превосходили юношу статью, но им недоставало его пытливого взгляда. Три крепких юнца и суровая мать — отличный выбор для дела, которое замыслил епископ.

— У меня на примете есть пустующее хозяйство, — сказал он. Да уж, он окажет Уигельму немалую услугу, избавив тана от этой бунтовщицы Милдред.

Эдгар захлопал глазами.

— Мы же корабель, а не земледельцы.

Милдред прикрикнула:

— Помолчи, Эдгар!

— Ты умеешь управлять хозяйством, вдова? — уточнил Уинстен.

— Я родилась в деревне.

— Мое на берегу реки.

— Сколько там земли?

— Тридцать акров*. Этого вполне достаточно, чтобы прокормить семью.

— Все зависит от почвы.

— И от семьи.

Милдред стояла на своем.

— Какая там почва?

— Обычная — у реки слегка заболочено, выше по склону суглинок. Там уже посажен овес, успел подняться. Тебе понадобится только снять урожай, и зима вам будет не страшна.

— Что насчет быков?

— Они тебе не потребуются. На такой почве тяжелый плуг ни к чему.

Милдред сощурилась.

— Если все так здорово, почему хозяйство пустует?

Правильный вопрос. Предыдущий хозяин, которого Уинстен выпустил пожить, не смог собрать достаточно урожая для того, чтобы прокормить свою семью. Жена и трое его маленьких детей умерли, а сам он сбежал. Но вот эта семья другая — сразу три надежных, крепких работника, всего четыре рта на прокорм. Ну да, им придется потрудиться, однако Уинстен чувствовал, что они справятся. Впрочем, он не собирался говорить всю правду.

— Прежний владелец умер от лихорадки, и его жена вернулась к матери, — солгал он.

— Значит, нездоровое место...

— Ничего подобного! Рядом деревушка с церковью-минстером. Минстер — это церковь, где служат несколько священников, живущих вместе...

— Я знаю, что такое минстер. Вроде как в монастыре, но не так строго.

— Настоятелем там мой двоюродный брат Дегберт, он же владеет деревушкой и хозяйством, о котором мы говорим.

— Какие постройки там есть?

— Дом и сарай. Предыдущий хозяин оставил свои инструменты.

* Согласно представлениям той эпохи, один акр равнялся по площади участку земли, который человек был в состоянии вспахать за один день при помощи плуга.

— Что с платой?

— Будешь отдавать Дегберту четырех жирных поросят на Михайлов день для церкви, это все.

— Почему так дешево?

Уинстен усмехнулся. Эта Милдред везде ищет подвох.

— Потому что мой двоюродный брат очень добрый человек.

Милдред недоверчиво фыркнула.

Наступила тишина. Уинстен смотрел на женщину. Это хозяйство ей не было нужно, да и епископу она не доверяла. Но в ее глазах читалось отчаяние, выбирать не приходилось. Он не сомневался, что она согласится, никуда не денется.

— Где это место? — спросила Милдред.

— Полтора дня пути вверх по реке.

— И как оно называется?

— Дренгс-Ферри.

3

Конец июня 997 г.

Они шли полтора дня по еле заметной тропинке вдоль извилистой реки — трое молодых людей, их мать и белая с подпалинами собака.

Эдгар испытывал растерянность, ощущал себя сбитым с толку и бередил душу глупыми домыслами. Да, он воображал для себя новую жизнь, но к такому готов не был. Судьба сделала крутой поворот, совершенно неожиданный для всех, и юноша никак не мог с этим свыкнуться. Сам он и члены семьи плохо понимали, что ждет их впереди. Они почти ничего не знали о месте под названием Дренгс-Ферри. На что оно похоже? Отнесутся ли тамошние с подозрением к новоприбывшим или проявят радушие? А само хозяйство? Насколько обещанный епископом суглинок годится для обработки? Может, там не рыхлая почва с песком, а плотная, непокорная и тяжелая глина? Растут ли там груши, летают ли дикие гуси, водятся ли робкие олени? В семействе Эдгара была привычка все продумывать заранее. Папаша частенько говаривал, что надо построить лодку целиком у себя в голове, прежде чем браться за первую доску.

Было ясно, что работы по заброшенному хозяйству предстоит непочатый край, и эта мысль вовсе не внушала Эдгару восторга.

Он мысленно хоронил все свои упования. Никакого собственного стапеля, никаких собственноручно выстроганных лодок. Да и жениться он вряд ли когда-либо женится.

Юноша пытался отвлечься, глядя по сторонам. Никогда раньше он не совершал столь долгих пеших переходов. Один-единственный раз проплыл много миль от Кума до Шербура и обратно, но не видел, по сути, ничего, кроме воды. А сейчас он впервые открывал для себя Англию.

Кругом, куда ни посмотри, обильно произрастал лес, совсем как тот, в котором его семья рубила деревья столько лет, сколько Эдгар себя помнил. Порой встречались деревни и даже крупные владения знати. Чем дальше Эдгар и его родичи отходили от берега, тем холмистее становилась местность. Лес делался все гуще, но жилища продолжали попадаться — то охотничий домик, то известковая яма, то шахта, где добывали олово, то хижина коневода; разок они наткнулись на семейку углежогов, потом заметили виноградник на южном склоне очередного холма и стадо овец на макушке другого.

Навстречу двигались редкие путники — толстый священник на тощем пони, хорошо одетый серебряных дел мастер с четырьмя угрюмыми телохранителями, коренастый крестьянин, что вел на рынок здоровенную черную свинью, согбенная годами старуха, несущая на продажу корзинку коричневых яиц. С каждым встречным затевали обстоятельную беседу, обмениваясь сведениями и выспрашивая подробности о дороге впереди.

Всех, кого встречали, они предупреждали о набеге викингов на Кум: именно так, от путников, люди узнавали новости о событиях окрест. Матушка обычно излагала историю разорения города достаточно сжато, но в зажиточных поселениях приходилось рассказывать все целиком, чтобы их четверых накормили и напоили.

Шагая вдоль реки, они махали проплывавшим мимо лодкам. Мостов на реке не было, только брод в местечке под названием Мьюдфорд-Кроссинг. Пожалуй, можно было бы заночевать там на постоялом дворе, но погода стояла отменная, поэтому решили спать на улице, сберегая скудные семейные средства. Впрочем, расположиться предпочли недалеко, в пределах видимости постоялого двора.

Матушка все твердила, что в лесу может быть опасно, и просила сыновей быть начеку; это ее беспокойство окончательно убедило Эдгара в том, что мир вокруг живет не по правилам. По окрестностям бродили лихие люди, разбойники, творившие зло и обирав-

шие путников. В теплое время года, как болтали, они прятались в лесных зарослях и поджидали незадачливых и неосмотрительных жертв.

Они с братьями справятся со всеми разбойниками, внушал себе Эдгар. Сам он был вооружен топором, который позаимствовал у викинга, убившего Сунни. Вдобавок их сопровождал пес. В схватке от Бриндла не было ни малейшей пользы, что доказала кровавая стычка с викингами, зато пес вполне мог учуять разбойников в кустах и вовремя залаять. Кроме того, все четверо выглядели так, что сразу становилось понятно — красть у них нечего: ни скота, ни мечей в дорогих ножнах, ни обитых железом сундуков, где могли храниться деньги. Нищих никто не грабит, думал Эдгар, но, по чести говоря, он не был уверен в этом до конца.

Матушка задавала скорость передвижения, выказывая изрядную телесную крепость. Немногие женщины доживали до ее возраста — до сорока лет; большинство умирало в главные детородные годы, между браком и тридцатью с небольшим. У мужчин все обстояло иначе. Папаша прожил сорок пять лет, а многие жили намного дольше.

Справляясь с повседневными хлопотами, принимая решения и давая советы, матушка вроде бы оставалась прежней, но за долгий путь в молчании Эдгар успел убедиться, что на самом деле она изнемогает от горя. Когда она думала, что никто на нее не смотрит, то ослабляла бдительность и в ее лице проступала тоска. С папашей она провела больше половины своей жизни. Эдгару не верилось, конечно, что родители когда-то испытывали те же бурные страсти, какие обуревали его и Сунни, но он понимал, что так, скорее всего, и было. У них родилось трое сыновей, и они вместе вырастили детей, однако, спустя столько лет, все равно просыпались по ночам, чтобы обнять друг друга.

Увы, ничего подобного с Сунни ему пережить не придется. Матушка горевала о потере, а Эдгар страдал по тому, чего у него никогда не было и не будет. Он никогда не женится на Сунни, не будет воспитывать с нею детей и просыпаться в ночи для жарких объятий в зрелом возрасте; у них с Сунни никогда не будет времени привыкнуть друг к другу, погрузиться в обыденность, принять друг друга как должное. Ему сделалось так грустно, что боль грозила поглотить все его естество. Он нашел великое сокровище, более ценное, чем все золото мира, — а потом потерял. Дальнейшая жизнь виделась унылой и пустой.

На долгом пути, пока матушка молча оплакивала тяжелую утрату, Эдгара осаждали видения, воспоминания о жестокости и насилии. Пышная листва дубов и грабов вокруг словно исчезала. Вместо нее он видел разрубленное тело Кинерика, отчасти схожее с коровьей тушей; снова и снова чувствовал, как мягкое тело Сунни застывает в смертном окоченении; вновь и вновь поражался собственной ярости и тому безумию, которое он учинил над викингом, бородатым светловолосым северянином, чье изуродованное Эдгаром лицо превратилось в окровавленную кашу. Словно воочию он видел пепелище на том месте, где стоял когда-то городок Кум; ворошил обгорелые кости старого мастифа Гренделя; поднимал с песка отрубленную руку отца. Что ж, Сунни упокоилась в братской могиле на кладбище Кума. Ее душа ныне в Божьих чертогах, но до чего же жутко было думать, что тело, которое он так любил, похоронено в сырой земле заодно с сотнями других.

На второй день, когда случайно вышло так, что Эдгар с матушкой оторвались от остальных на десяток-другой ярдов, Милдред вдруг задумчиво проговорила:

— Судя по всему, ты был вовсе не дома, когда заметил корабли викингов.

Эдгар ждал этого разговора. Эрман уже не раз высказывал недоумение, а Эдбальд явно догадывался, что в то утро что-то произошло, однако Эдгар не считал нужным объясняться с братьями. Но с матушкой было не отмолчаться.

Не зная, с чего начать, он просто ответил:

— Да.

— Наверное, к девушке бегал, а?

Эдгар смущенно потупился.

— У мальчишек нет иной причины удирать из дома посреди ночи, — утвердительно произнесла матушка.

Он пожал плечами. Как обычно, ничего от нее толком не скроешь.

— Но почему тайком? — не унималась матушка. — Ты ведь достаточно взрослый, чтобы ухаживать за девушками. Чего тут стыдиться? — Она помолчала. — Или твоя зазноба замужем?

Эдгар не ответил, но почувствовал, как запылали румянцем щеки.

— Ага, покраснел, — отметила матушка. — Что ж, тебе есть чего стыдиться.

Сама она была строгих правил, и папаша отличался тем же. Они истово верили в церковные устои и королевские посулы. Эдгар

тоже верил, разумеется, но давно убедил себя, что их с Сунни любовь — нечто исключительное.

— Она ненавидела Кинерика, — проворчал он.

Матушка осталась при своем мнении.

— По-твоему, заповедь гласит: «Не прелюбодействуй, если только женщина не ненавидит своего мужа»? — насмешливо спросила она.

— Я знаю, что гласит заповедь. Знаю, что нарушил ее.

Признания матушке было, похоже, мало — ее мысли явно устремились дальше.

— Должно быть, она погибла в суматохе. Иначе ты бы не вернулся.

Эдгар кивнул.

— Полагаю, это жена коровника. Как ее звали? Сунгифу?

Она обо всем догадалась! Эдгар почувствовал себя ребенком, пойманном на лжи.

— Ты собирался сбежать той ночью? — уточнила матушка.

— Да.

Милдред взяла Эдгара за руку и понизила голос:

— Что ж, выбирал ты с умом, ничего не скажешь. Мне нравилась Сунни. Она была разумной и трудолюбивой. Жаль, что она мертва.

— Спасибо, мама.

— Она была хорошей женщиной. — Матушка отпустила руку Эдгара, ее голос снова изменился. — Но чужой женой.

— Я знаю.

На этом разговор закончился. Матушка знала, что слов не нужно, что все остальное сделает совесть Эдгара.

Они остановились у ручья выпить холодной воды и передохнуть. Минуло уже несколько часов с тех пор, как они ели в последний раз, но утолить голод было нечем.

Эрман, старший из братьев, был подавлен ничуть не меньше Эдгара, но ему не хватало смекалки молчать об этом.

— Я ремесленник, а не грязный крестьянин, — процедил он, когда семья снова двинулась в путь. — Сам не знаю, зачем я иду с вами.

Матушка не терпела нытья.

— Какой у нас был выбор? — сурово спросила она. — Чем бы ты занялся, не заставь я тебя пойти с нами?

У Эрмана, конечно, не было внятного ответа, он лишь пробор-мотал что-то насчет того, что подождет бы в Куме, пока все нала-дится.

— Да ничего бы не наладилось! — в сердцах воскликнула ма-тушка. — Знаешь, что тебя ждало бы? Рабство. Уж поверь. Когда люди умирают от голода, они становятся рабами.

Обращалась она к Эрману, но Эдгара ее слова потрясли сильнее, чем брата. Ему и в голову не приходило, что он может однажды стать рабом. Такое откровение вгоняло в ступор. Неужели именно эта участь ожидает их семью, если они не смогут обустроиться на новом месте?

Эрман раздраженно бросил:

— Никто меня не поработит.

— Зачем кому-то тебя поработать? — удивилась матушка. — Ты добровольно вызовешься.

Эдгару доводилось слышать о людях, добровольно продавав-шихся в рабство, но личного знакомства ни с кем таким он не водил. Конечно, он встречал множество рабов в Куме, где среди свободных хотя бы каждый десятый был рабом. Молодые и привлекательные девушки и юноши становились игрушками богатых мужчин. Осталь-ные тянули плуги, получали побои, когда уставали, и проводили ночи на цепи, как собаки. Большинство из них составляли урожен-цы Британии, выходцы с диких западных окраин — из Уэльса, Корнуолла и Ирландии. Время от времени оттуда предпринимали набеги на более богатых англов, похищали домашний скот, кур и оружие; англы же в отместку сжигали деревни и забирали рабов.

Добровольное рабство было чем-то другим. Существовал даже особый обряд, и матушка в красках описала его Эрману.

— Встаешь на колени перед знатным мужчиной или женщиной, покорно склоняешь голову. Тебя, разумеется, могут отвергнуть, но если такой человек положит руки тебе на голову, ты пожизненно будешь считаться рабом.

— Уж лучше сдохнуть с голода. — Эрман вяло сопротивлялся.

— Перестань, уж мне ли не знать, — одернула его матушка. — Ты ведь ни дня в жизни не голодал. Ваш отец заботился об этом, мальчишки, даже когда нам с ним самим нечего было есть. Вам что, приходилось сидеть без еды целую неделю? Да вы в мгновение ока склонитесь перед любим, кто поманит вас похлебкой. А в итоге будете до конца своих дней трудиться за пропитание.

Эдгар никак не мог понять, верить матушке или нет. Почему-то казалось, что он бы выбрал смерть от голода.

В голосе Эрмана звучал угрюмый вызов.

— Из рабства можно выкупиться.

— Верно, но ты уверен, что это вот так просто? Свободу можно купить, кто бы спорил, но где ты возьмешь деньги? Хозяева иногда дают рабам денег, но нечасто и немного. Остается лишь надеяться, что добрый хозяин рано или поздно составит завещание, в котором тебя освободит. А потом ты вернешься к тому, с чего начинал, бездомный и обездоленный, но на двадцать лет старше. Вот такой у нас выбор, глупый мальчишка. Ну, повтори снова, что не хочешь копать в земле.

Эдбальд, средний из братьев, внезапно остановился, наморщил веснушчатый лоб и произнес:

— Похоже, мы почти пришли.

Эдгар повернулся к реке. На дальнем ее берегу виднелось строение, похожее на постоялый двор, — длиннее обычного дома, со столом и скамьями снаружи и большой зеленой лужайкой, где паслись корова и две козы. Неподалеку была привязана за колышек грубая лодка. Вниз по склону от строения вела утоптанная тропинка. Слева от нее выстроились в ряд пять деревянных домов. Справа располагалась крохотная каменная церковь, за ней большой дом и пара сараев, наверное конюшни или амбары. Дальше дорога исчезала в лесу.

— Паром, таверна и церковь, — перечислил Эдгар, ощущая возбуждение в душе. — Сдается мне, что Эдбальд прав.

— Давай выясним, — сказала матушка. — Ну-ка, покричите.

Эдбальд, обладатель самого зычного голоса в семье, приложил ладони ко рту и завопил так, что эхо раскатилось над водой:

— Эй! Эгей! Есть кто живой? Эй!

Они стали ждать ответа.

Эдгар заметил, что ниже по течению река разделялась на два рукава островом, имевшим в длину около четверти мили. Он густо порос лесом, но за стволами деревьев угадывалась стена каменного здания. Юноше сразу стало любопытно, что бы это могло быть.

— Покричи снова, — попросила матушка.

Эдбальд повторно огласил окрестности своими воплями.

Дверь строения открылась, из нее вышла женщина. Эдгар сощурился и поправил себя — нет, не женщина, а девушка моложе его самого на четыре или на пять лет. Она уставилась через реку на

новоприбывших, но отвечать на крики не спешила. В руках у нее было деревянное ведро; она неторопливо подошла к кромке воды, вылила ведро в реку, сполоснула и вернулась обратно.

— Придется вплавь, — со вздохом сказал Эрман.

— Я не умею плавать, — напомнила матушка.

Эдгар не дал разгореться спору.

— Эта девица всего-навсего выделяется. Дает нам понять, что она тут за главную, а вовсе не служанка. Она пригонит лодку, когда ей заблагорассудится, и еще будет ждать от нас благодарности.

Он оказался прав. Девушка снова вышла наружу. Все тем же неторопливым шагом направилась туда, где была привязана лодка. Отвязала веревку, взяла весло, села в лодку и оттолкнулась от берега. Попеременно опуская весло в воду то с одного борта, то с другого, принялась грести. По уверенным движениям было ясно, что это занятие ей привычно и, по-видимому, не требует усилий.

Эдгар с изумлением таращился на лодку. Ничего особенного, просто выдолбленный ствол дерева, очень неустойчивый на воде, но девчонка управлялась с ним довольно ловко.

Он пригляделся к незнакомке, когда та подплыла ближе. Вполне обычная на вид, темно-русые волосы, кожа в прыщах, но фигурка пухленькая. Пожалуй, от силы лет пятнадцать.

Девушка доплыла до их стороны и умело остановила лодку в нескольких ярдах от берега.

— Чего шумите? — спросила она.

Матушка ответила вопросом на вопрос:

— Что это за место?

— Говорят, Дренгс-Ферри. Переправа Дренга.

Итак, подумал Эдгар, вот наш новый дом.

— Дренг — это ты? — продолжала пытаться ее матушка.

— Нет, мой отец. А я — Квенбург. — Девушка с нескрываемым интересом оглядела троих парней. — А вы кто?

— Мы на пустое хозяйство прибыли, — объяснила матушка. — Епископ Ширингский нас прислал.

— Вот как? — Квенбург явно ничуть не воодушевилась.

— Ты нас переправишь?

— Угу. По фартингу за голову, и никакого торга.

Король чеканил единственную монету — серебряный пенни. Эдгара всегда занимали мельчайшие подробности, поэтому он знал, что королевский пенни весит одну двадцатую унции. В фунте две-

надцать унций, поэтому фунт вмещал двести сорок пенни. Причем монету чеканили на самом деле из сплава — тридцать семь частей серебра, три части меди. На один пенни можно купить полдюжины кур или четверть барашка. Для оплаты более дешевых покупок монету приходилось делить надвое — на полупенни, а то и вовсе на четыре фартинга. Поделить ровно получалось редко, споры по этому поводу разгорались ежедневно.

— Вот тебе пенни, — сказала матушка.

Квенбург словно не заметила протянутую руку.

— Вас пятеро, за собаку тоже платить надо.

— Она сама переплывет.

— А она умеет плавать?

Матушка начала злиться.

— Пускай сама решает. Либо останется на этом берегу и подохнет от голода, либо прыгнет в реку и утонет. Я за собаку платить не стану.

Квенбург пожала плечами, подвела лодку к берегу и взяла монету.

Эдгар залез первым, опустил на колени и крепко вцепился руками в оба борта, чтобы лодка не раскачивалась. В глаза ему бросились многочисленные крошечные трещины в стволе старого дерева. На дне была небольшая лужа.

— Откуда у тебя этот топор? — спросила Квенбург. — На вид дорогой.

— У викинга отобрал.

— Да ну? А он прямо вот взял и отдал?

— Он не возражал, потому что я расколел ему голову пополам.

Эдгар понял, что эти слова доставили удовлетворение ему самому.

Остальные тоже сели в лодку, и Квенбург взмахнула веслом. Бриндл без малейших сомнений вошел в воду и поплыл следом. На открытой воде, за пределами лесной тени, солнце палило нещадно.

— Что у вас на острове? — спросил Эдгар.

— Женский монастырь, — ответила Квенбург.

Эдгар кивнул. Значит, вот что за каменное здание он приметил.

Квенбург добавила:

— Еще на острове поселилась шайка прокаженных. В хижинах из веток. Монахини их подкармливают. Это место называют Островом прокаженных.

Эдгар поежился. Смелые монахини, иначе не скажешь. Ведь болтают, будто заразиться проказой очень просто — достаточно лишь коснуться больного. Впрочем, ему не доводилось слышать о тех, кто и вправду заразился.

Лодка достигла дальнего берега, и Эдгар помог матушке перебраться на сушу. В ноздри ударил резкий запах забродившего эля.

— Кто-то варит эль.

— Моя мама делает очень хороший эль, — объяснила Квенбург. — Идемте, пропустим по глоточку.

— Нет, спасибо, — сразу отказалась матушка.

Но Квенбург не отступалась.

— Ночевать можете у нас, пока будете чинить свое хозяйство. Мой отец накормит вас ужином и завтраком по полпенни с каждого. Это дешево.

— Что ты сказала насчет починки? Хозяйство надо чинить?

— Ну, когда я в последний раз проходила мимо, то заметила, что крыша дома вся худая.

— А сарай?

— Свиарник, что ли?

Эдгар нахмурился. Похоже, дар епископа таил в себе подвох. Ладно, у них все равно есть тридцать акров земли, глядишь, удастся использовать их с умом.

— Посмотрим, — сказала матушка. — А где живет настоятель?

— Дегберт Лысый? Это мой дядя. — Квенбург ткнула пальцем: — Вон тот большой дом рядом с церковью. Там проживают все святоши.

— Надо его навестить.

Они оставили Квенбург на берегу и двинулись к указанному ею дому. По пути матушка поучала:

— Этот настоятель — наш новый землевладелец. Ведите себя скромно и дружелюбно. Если понадобится, я сумею его приструнить, но нам совершенно ни к чему, чтобы он обозлился на нас из-за вашей непочтительности.

Маленькая церковь, подумалось Эдгару, выглядела почти заброшенной. Свод на входе норовил осыпаться, ему мешало это сделать только крепкое бревно, поставленное посреди дверного проема. Деревянный дом по соседству, как и постоялый двор, был вдвое больше обычного.

Они вежливо остановились снаружи, и матушка позвала:

— Эй, есть кто?

Женщина, которая выглянула из двери, была в тягости, на руках она держала младенца, а ребенок чуть постарше прятался за ее юбкой. Грязные волосы, большая и тяжелая на вид грудь — наверное, когда-то она была красива, с такими-то высокими скулами и прямым носом, но сейчас выглядела так, словно изнемогла до крайности и едва стоит на ногах. Многие двадцатилетние женщины с детьми были на нее похожи. Неудивительно, что они умирают молодыми, сказал себе Эдгар.

— Настоятель Дегберт здесь? — спросила матушка.

— Что вам нужно от моего мужа? — настороженно поинтересовалась женщина.

Должно быть, подумал Эдгар, у здешней общины не самые строгие правила. Вообще-то церковь советовала своим служителям блюсти безбрачие, но этому совету следовали довольно редко — даже епископы женились, и это не было неслыханным делом.

— Мы от епископа Ширингского, — поведала матушка.

Женщина крикнула, обращаясь к кому-то внутри дома:

— Дегси! К тебе пришли.

Потом окинула гостей взглядом и побрела прочь.

Мужчине, который вышел вместо нее, было немногим за тридцать, но он щеголял лысой, как яйцо, головой, без намека на монашескую тонзуру. Быть может, он лишился волос из-за какой-то болезни.

— Я настоятель, — произнес он, продолжая что-то жевать. — Что вам нужно?

Матушка объяснила снова.

— Придется подождать, — проворчал Дегберт. — Я как раз обедаю.

Матушка улыбнулась и промолчала, трое ее сыновей поступили так же.

По-видимому, Дегберт осознал, что ведет себя негостеприимно. Однако разделить с ним трапезу не предложил.

— Ступайте в заведение Дренга. Выпейте местного эля.

— Мы не можем себе позволить такую покупку. У нас нет средств. Викинги напали на Кум и сожгли наш дом.

— Тогда просто подождите.

— Объясни, как добраться до пустующего хозяйства, и мы пойдем туда. — Матушка вновь улыбнулась. — Уверена, мы сможем найти дорогу.

Дегберт помедлил.

— Полагаю, мне придется вас отвести. — Он досадливо махнул рукой и обернулся: — Эдит! Поставь еду поближе к очагу. Скоро вернусь. — И прибавил, обращаясь к семейству: — Идите за мной.

Впятером они направились вниз по склону.

— Чем вы занимались у себя в Куме? Вроде землепашцев у вас там не водится.

— Мой муж был корабелом, — ответила матушка. — Но его убили викинги.

Дегберт небрежно перекрестился.

— Что ж, лодки нам не нужны. Переправой ведает мой брат Дренг, и он вполне справляется.

— Дренгу нужна новая лодка, — вмешался Эдгар. — Старая вся потрескалась и однажды утонет. Очень скоро.

— Не знаю, не знаю.

— Теперь мы землепашцы, — проронила матушка.

— Итак, ваша земля начинается здесь. — Дегберт остановился у стены таверны. — От берега вон до той линии деревьев.

Полоса земли шириной около двухсот ярдов тянулась вдоль реки. Эдгар присмотрелся. Епископ Уинстен не потрудился сообщить, что надел такой узкий, и потому Эдгар не предполагал, что большая часть земли окажется заболоченной. Правда, там, где было повыше, земля была посуше, и из нее торчали зеленые побеги.

— Около семисот ярдов на запад, — пояснил Дегберт, — дальше лес.

Матушка твердо вступила на их землю, остальные последовали за ней.

— Сами видите, будет хороший урожай овса, — не преминул заметить Дегберт.

Эдгар, не отличавший овес от любого другого зернового растения, устыдился того, что принял посадки за простую траву.

— Сорняков тут не меньше, чем овса, — проговорила матушка.

Не пройдя и половины мили, они добрались до построек на вершине невысокого холма. Сразу за постройками расчищенная земля заканчивалась, прямо к берегу реки спускался лес.

— Даже садик полезный имеется, — нахваливал Дегберт.

Насчет сада он слегка преувеличивал. Взору предстала паратройка чахлых яблонь и несколько кустов эзгиля*. Плоды этого

* Имеется в виду мушмула разновидности *Mespilus germanica*, чрезвычайно популярная в свое время в Западной Европе.

кустарника вызревали по зиме, однако люди их почти не ели, зато ими порой питались свиньи. Терпкая мякоть этих плодов становилась приемлемой на вкус после морозов или когда плоды перезревали.

— Платить будете так — четыре жирных поросенка на Михайлов день, — закончил Дегберт.

Вот и все, понял Эдгар: они осмотрели все хозяйство.

— Тридцать акров, говоришь? — насупилась матушка. — Землица-то скверная.

— Вот почему мы берем за нее так мало.

Эдгар догадывался, что матушка ведет переговоры. Он много раз видел, как она торговалась с заказчиками и поставщиками. Обычно у нее хорошо получалось, но теперь она очутилась в невыгодном положении. Что она могла предложить? Дегберт, конечно, хотел найти тех, кто возьмется обхаживать эту землю, и, быть может, желал угодить своему родичу-епископу, но, с другой стороны, он явно не нуждался в той небольшой плате, которую сам назначил, и вполне мог сказать Уинстену, что матушка отказалась от дара епископа, сочтя, что затея не стоит трудов. Словом, торговаться было непросто.

Они осмотрели дом. Тот стоял на деревянных столбах, вкопанных в землю, а стены между столбами были сплетены из веток и обмазаны глиной. Тростник на полу успел заплесневеть, от него мерзко воняло. Квенбург была права: в соломенной крыше зияли дыры. Их, конечно, можно залатать...

— Развалюха, — коротко подытожила матушка.

— Вы быстро все поправите.

— Не уверена, что быстро. Понадобится валить деревья в лесу и таскать сюда.

— Справитесь, — нетерпеливо отмахнулся настоятель.

При всей своей раздражительности Дегберт сделал им важную уступку. Он фактически позволил им рубить деревья, не обмолвившись об оплате. Бесплатная древесина — это было здорово.

Меньшая из построек пребывала в откровенно плачевном состоянии.

— Того и гляди рухнет, — сказала матушка.

— Женщина, зачем тебе сарай прямо сейчас? — возмутился Дегберт. — Вам все равно нечего там хранить.

— Ты прав, мы разорены, — отозвалась матушка. — Так что нам нечем будет заплатить в Михайлов день.

Дегберт нахмурился, но спорить было бесполезно, и он это понимал.

— Будете мне должны, — решил он. — Отдадите пять поросят на Михайлов день в следующем году.

— А на что мне купить свиноматку? Этого овса едва хватит, чтобы прокормить моих сыновей зимой. На продажу ничего не останется.

— Так ты отказываешься от хозяйства?

— Нет, я просто пытаюсь тебе втолковать, что от тебя требуется больше помощи, иначе тут все окончательно захиреет. Мне нужно послабление по оплате и нужна свиноматка. А еще мешок муки в долг — еды-то у нас тоже нет.

С ее стороны это было дерзостью. Землевладельцы ждали, что платить будут им, а не наоборот. Но порой жизнь вынуждала их помогать крестьянам, и Дегберт должен был это знать.

Настоятель скривился, но явно предпочел не выказывать себя глупцом.

— Хорошо, — сказал он. — Я одолжу тебе муку. Платить в этом году не придется. И свинью тебе пригонят, но ты отдашь мне самку из первого помета сверх назначенной платы.

— Думаю, я должна согласиться. — Матушка всячески показывала, насколько тяжело далось ей это решение, но Эдгар почти не сомневался, что она заключила выгодную сделку.

— Наконец-то я вернусь к своему обеду, — сварливо проворчал Дегберт. Похоже, и он догадывался, что его обвели вокруг пальца.

Настоятель повернулся и двинулся было обратно в деревню, но матушка его окликнула:

— Когда мы получим свинью?

— Скоро, — ответил он, не оглядываясь.

Эдгар поглядел на их новый дом. Тот выглядел печально, однако юноша чувствовал себя на удивление хорошо. Им предстояло бросить вызов судьбе, и это было намного лучше, чем отчаяние, навалившееся на него раньше.

— Эрман, иди в лес и набери дров, — принялась распоряжаться матушка. — Эдбальд, ступай в ту таверну и попроси у них уголек из очага. Обольсти ту девчонку с переправы, ты сможешь. Эдгар, проверь, получится ли наспех залатать крышу. Нам ведь пока некогда чинить как следует. Все, мальчики, вперед. А завтра начнем пропалывать поля.

За следующие несколько дней Дегберт так и не удосужился пригнать свинью.

Матушка словно забыла о его обещании. Она пропалывала овес, призвав на подмогу Эрмана и Эдбальда: все трое корячились, сгибаясь пополам, на длинном и узком поле, а Эдгар тем временем чинил дом и сарай — древесину приволокли из леса, — всю орудия топором викинга и теми ржавыми плотницкими инструментами, что остались от предыдущего хозяина.

В отличие от матушки, Эдгар беспокоился. Дегберт показался ему человеком, доверять которому можно не больше, чем его двоюродному брату епископу Уинстену. Юноша опасался того, что Дегберт увидит: они обустроились — и решит, что обещание выполнять не обязательно. Тогда семейству придется изыскивать где-то средства на плату землевладельцу, а если они этого не сделают, выжить будет очень и очень затруднительно, доказательством чему является участь некоторых неосмотрительных горожан Кума, знакомых Эдгару.

— Не терзай себя, — успокоила сына матушка, когда Эдгар поделился с ней своей озабоченностью. — Никуда Дегберт от меня не денется. Даже худшие священнослужители должны посещать церковь.

Оставалось лишь надеяться, что она права.

Услышав колокольный звон воскресным утром, все четверо направились в деревню. Эдгар прикинул, что они пришли последними, ведь им было добираться дальше прочих.

Церковь оказалась квадратной колокольной, с восточной стороны которой было пристроено приземистое здание. Все сооружение клонилось под собственным весом, и было ясно, что однажды оно упадет.

Чтобы войти внутрь, пришлось протискиваться мимо бревна, подпиравшего свод церковных дверей. Догадаться, почему свод осыпается, не составляло труда. Скрепленные раствором камни выстраивались в линии, которые все должны были указывать на центр воображаемой окружности, как спицы в правильно изготовленном колесе, но в этой арке камни лежали как попало. Поэтому свод со временем стал осыпаться — и выглядел, надо признать, уродливо.

Службы проводили в нижнем помещении колокольни. Из-за высокого потолка казалось, что прихожан всего горстка. Около

дюжины взрослых и несколько маленьких детей ожидали начала службы. Эдгар кивнул Квенбург и Эдит, тем единственным двоим из местных, с кем он успел познакомиться.

На одном из камней в стене была вырезана какая-то надпись. Эдгар не умел читать, но догадался, что здесь кто-то похоронен — возможно, знатный человек, построивший церковь как место своего последнего пристанища.

Узкий проход в восточной стене вел в святилище. Эдгар заглянул туда и увидел алтарь с деревянным крестом и роспись с ликом Иисуса. Дегберт стоял у алтаря с несколькими другими священниками.

Прихожане куда больше интересовались новыми лицами, нежели службой. Дети открыто разглядывали Эдгара и его близких, а их родители украдкой посматривали на новоприбывших и тут же отворачивались, негромко делясь с соседями своими наблюдениями.

Дегберт провел службу настолько быстро, что Эдгару подобная сценка показалась откровенно неуважительной, притом что он не считал себя человеком сильно набожным. Впрочем, торопливость пастыря, быть может, и не имела значения, поскольку прихожане все равно не понимали латинских слов молитвы; но в Куме Эдгар привык к более размеренному служению. Так или иначе, не ему судить, главное — искупить грехи и получить прощение.

Вообще вера Эдгара не то чтобы занимала. Когда люди принимались обсуждать, какой досуг ожидает мертвых на небесах или есть ли у дьявола хвост, юноша испытывал скуку: никому не дано узнать правду обо всем этом при жизни на земле. Ему нравились вопросы с однозначными ответами, например, какой высоты должна быть мачта корабля.

Квенбург встала рядом и улыбнулась. По всей видимости, она решила быть милой.

— Загляни в мой дом как-нибудь вечером, — проговорила она.

— У меня нет денег на эль.

— А просто соседей навестить?

— Там поглядим. — Эдгар не хотел выказывать недружелюбие, однако вечер в компании Квенбург его не прельщал.

По завершении службы матушка решительно направилась к священнослужителям. Эдгар не отставал, а Квенбург последовала за ним.

Матушка окликнула Дегберта, прежде чем тот успел улизнуть.

— Нам нужна та свинья, которую ты сулил пригнать.

Эдгар гордился своей матерью, решительной и бесстрашной. Вдобавок она крайне удачно подгадала время. Бряд ли Дегберт на глазах у всей деревни пожелает прослыть человеком, который не держит данного слова.

— Обратись к Толстухе Беббе, — коротко ответил настоятель.

— Кто такая Беббе? — спросил Эдгар у будто прилипшей к нему Квенбург.

Та указала на толстую женщину, что терлась возле бревна на входе.

— Она приносит в церковь яйца, мясо и другую снедь. Сама вырачивает.

Эдгар передал это описание матушке, и та подошла к Беббе.

— Настоятель велел мне потолковать с тобой насчет свиньи.

Румяная и дружелюбная Беббе не стала отпираться.

— Ну да. У меня есть молоденькие самки на выбор. Пойдем со мной, поглядишь, какую взять.

Женщины покинули церковь, и трое юношей зашагали следом за ними.

— Как вам у нас? — любезно спросила Беббе. — Уже обжились? Дом-то не совсем развалился?

— Не успел, мы вовремя взялись за починку, — ответила матушка.

Со стороны эти две женщины выглядели ровесницами, и складывалось ощущение, что они ладят между собой. Вот и славно, подумал Эдгар, матушке нужна подруга.

Крохотный домик Беббе стоял посреди широкого участка земли. За домом располагался утиный пруд, рядом курятник, возле которого паслись корова с маленьким теленком. Еще к дому был пристроен огороженный загон, в нем находилась огромная свиноматка с восемью поросятами. Да, Беббе могла себя прокормить, хотя и зависела от милости священника.

Матушка внимательно оглядела поросят, а затем указала на одного из них, юркого и шустрого.

— Хороший выбор, — одобрила Беббе и ловким, отработанным движением схватила животное. Поросенок испуганно заверещал. Беббе достала из кошеля на поясе кожаные ремешки и умело связала животному ноги. — Кто его понесет?

— Я могу, — вызвался Эдгар.

— Подхвати его под брюхо. Смотри, чтобы не укусил.

Эдгар послушался, стараясь не думать, какой поросенок грязный.

Матушка поблагодарила Биббе.

— Вернете ремешки, когда навестите нас в следующий раз, — сказала та. Веревки высоко ценились, будь они из кожи, жил или ниток.

— Конечно, — пообещала матушка.

Они отправились домой. Поросенок визжал и неистово вырывался, не желая расставаться с привычным загонем. Эдгар стиснул ему челюсти рукой, чтобы прекратить визг. Словно обидевшись, поросенок заляпал вонючим жидким дерьмом всю его рубаху.

Заглянули в таверну и попросили у Квенбург немного корма для животного. Та принесла горсть сырных корок, рыбы хвосты, яблочные огрызки и другие остатки еды.

— От тебя воняет, — сказала она Эдгару.

Юноша и сам это знал.

— Попозже искупаюсь в реке, — ответил он.

Дома Эдгар первым делом отнес поросенка в хлев. Он уже сделал дыру в стене, так что животное не могло сбежать. А ночью посадит к нему Бриндла, пусть сторожит.

Матушка согрела воду на огне и бросила в нее объедки на свиную похлебку. Эдгар, конечно, радовался тому, что они наконец обзавелись свиньей, но теперь появился еще один голодный рот, который требовалось кормить. Придется заботиться о ней, пока она не вырастет и не принесет приплод. Значит, на время придется затянуть пояса туже прежнего.

— Скоро она начнет питаться с земли в лесу, особенно когда станут падать желуди, — объяснила матушка. — Но мы должны научить ее приходить домой ночью, не то ее украдут или волки съедят.

— Ты говорила, что росла в деревне. Как вы там приучали своих домашних животных?

— Понятия не имею. Мама звала, и они все приходили. Наверное, привыкли, что она давала им еду. К нам, детям, они не подходили.

— Наш поросенок может научиться узнавать твой голос, но тогда он не откликнется, если будет звать кто-то другой. Нужен колокольчик.

Матушка недоверчиво фыркнула. Колокольчики стоили дорого.

— А мне нужна золотая брошь и белый пони, сынок, — усмехнулась она. — Но я вряд ли их получу.

— Не зарекайся, мама, — откликнулся Эдгар.

Он направился в сарай. Ему вдруг вспомнилось, что он видел там старый серп с гнилой рукоятью и изогнутым лезвием, заржавевшим и треснувшим. Валялся в углу заодно с прочими мелочами. Юноша взял обломок лезвия, железный полумесяц длиной около фута, очевидно, ни на что не годный.

Он отыскал гладкий камень, уселся на утреннем солнышке и начал счищать ржавчину с лезвия. Работа была тяжелой и утомительной, но он привык к тяжелому труду, а потому продолжал тереть, пока металл не стал достаточно чистым и в нем не отразилось солнце. Затачивать кромку Эдгар не стал, поскольку резать ничего не собирался.

Взял гибкую ветку вместо веревки, прикрепил к ней лезвие и ударил по нему камнем. Раздался звон, непохожий на колокольный, нечто среднее между лязгом и дребезгом, но звук вышел довольно громким.

Юноша показал свою поделку матушке.

— Если стучать каждый день перед тем, как кормить поросенка, наша свинка научится приходить на этот звук.

— Очень хорошо! Сколько времени у тебя уйдет на изготовление золотой броши? — Она смеялась, но в ее голосе проскользнула нотка гордости за сына. Она считала, что Эдгар унаследовал ее ум, — и была, по-видимому, права.

На обед была лепешка с диким луком, и Эдгар решил помыть-ся перед едой. Он брел вдоль реки, пока не дошел до крохотного илистого бережка. Снял рубаху, выстирал ее на мелководье, растирая и выжимая шерстяное полотно, чтобы избавиться от вони. Затем разложил рубаху на камнях, сушиться на солнце. А сам нырнул в воду с головой, чтобы вымыть волосы.

Люди говорили, что купаться вредно для здоровья, и зимой Эдгар никогда не мылся, но от тех, кто не мылся вообще никогда, несло как от навозной кучи. Матушка и папаша приучили своих сыновей бороться с запахом и мыться хотя бы раз в год.

Эдгар вырос на берегу моря, а потому плавал с тех пор, как себя помнил. Сполоснувшись, он вознамерился переплыть реку — просто так, ради удовольствия.

Течение было умеренным, плыть ничто не мешало. Он наслаждался ощущением прохладной воды на голой коже. Добрался до противоположного берега и поплыл обратно. Нащупал ногами дно и встал. Вода доходила ему до коленей, капли срывались с тела. На таком солнце он быстро высохнет.

В этот миг он понял, что уже не один.

Квенбург сидела на берегу и смотрела на него.

— А ты неплохо смотришься, — сказала она.

Эдгар почувствовал себя глупо и смутился.

— Ты не могла бы уйти?

— С какой стати? Разве запрещено гулять по берегу?

— Прошу тебя.

Девушка встала и отвернулась.

— Спасибо, — сказал Эдгар.

Но он неверно истолковал ее побуждение. Вместо того чтобы уйти, она быстрым движением стянула с себя платье через голову и предстала обнаженной, с бледной кожей.

— Нет, нет! — забормотал Эдгар.

Квенбург развернулась к нему лицом.

Он в ужасе уставился на девушку. В ее облике не было ничего отталкивающего — на самом деле в уголке разума мелькнула мысль, что у нее красивая округлая фигура, — но она была не той женщиной. В его сердце жила Сунни, ничье тело не могло сравниться с телом погибшей возлюбленной.

Квенбург вошла в реку.

— У тебя внизу волосы другого цвета, — проговорила она с лукавой улыбкой. — На имбирь похоже.

— Держись подальше от меня, — прохрипел он.

— Смотри, у тебя все сморщилось от холодной воды. Хочешь, подогрею? — Она потянулась к Эдгару.

Эдгар оттолкнул ее. Из-за смущения, которое не отпускало, толкнул сильнее, чем следовало. Квенбург не устояла на ногах и повалилась в воду. Пока она барахталась на мелководье, он вышел мимо нее на берег.

Она бросила в спину Эдгару:

— Эй, что с тобой такое? Или ты девка, на мужчин падкая?

Юноша взял рубаху с камней. Высохла она не до конца, но он все равно поспешил одеться. Теперь, чувствуя себя менее уязвимым, он рискнул повернуться.

— Верно, я такой. Я девчонка.

Она сердито уставилась на него.

— Врешь ты все, я же вижу. Врешь и не краснеешь.

— Ладно, вру. И что? — Эдгар начал раздражаться. — Правда в том, что ты мне не нравишься. Теперь оставишь меня в покое?

Квенбург вышла из воды.

— Свинья, — процедила она. — Надеюсь, ты сдохнешь от голода на своей бесплодной земле. — Она натянула платье через голову. — А потом попадешь в ад.

И ушла.

Эдгар был рад избавиться от нее. Мгновение спустя он пожалел о том, что повел себя грубо. Отчасти она сама виновата, слишком уж назойливой была, но все-таки стоило обойтись с нею помягче. Юноша часто сожалел о порывах, которым поддавался, и думал, что надо лучше следить за собой.

Порой, подумалось ему, так трудно поступить правильно.

* * *

В деревне было тихо.

В Куме всегда шумели: кричали над водой чайки, стучали по гвоздям молотки, гомонили люди, раздавались громкие крики. Даже по ночам скрипели деревянные лодки, покачиваясь на волнах прибоя. Но в сельской местности частенько стояла полная тишина. Задуёт ветер, деревья недовольно зашептались бы в лесу, но при безветрии было тихо, как в могиле.

Поэтому, когда Бриндл залаял посреди ночи, Эдгар мгновенно проснулся.

Он вскочил и схватил топор, висевший на стене. Сердце билось часто, дыхание замедлилось.

Голос матушки из мрака попросил:

— Будь осторожен.

Бриндл сидел на привязи в сарае, поэтому лай звучал приглушенно. Эдгар нарочно посадил пса туда, чтобы охранять поросенка, и теперь пес учуял некую угрозу.

Эдгар направился к двери, но матушка его опередила. В руке она сжимала нож, на лезвии которого зловеще мерцали отблески угольков в очаге. Он сам отчистил и заточил этот нож, чтобы помочь матери, и знал, что тот способен зарезать насмерть.

— Отойди от двери, — прошипела матушка. — Вдруг кто застался снаружи в засаде.

Эдгар подчинился. Братья стояли за его спиной. Оставалось надеяться, что они тоже подобрали себе какое-то оружие.

Матушка осторожно, почти бесшумно подняла щеколду и резко распахнула дверь настежь.

В дверном проеме тут же возникла человеческая фигура. Выходит, матушка правильно предупредила Эдгара насчет засады:

воры предполагали, что семья проснется, и один из них думал напасть на тех, кто по неосторожности выскочит из дома. Ярко светила луна, и в ее свете Эдгар ясно разглядел длинный кинжал в правой руке незнакомца. Мужчина вслепую нанес несколько ударов, но поразил только воздух.

Эдгар занес было топор, но матушка оказалась проворнее. Ее нож сверкнул молнией, вор взревел от боли и упал на колени. Она шагнула ближе, лезвие рассекло чужаку горло.

Эдгар протиснулся мимо, выбежал наружу и услышал визг поросенка. Мгновение спустя две фигуры выскользнули из сарая. На одном из воров был головной убор, частично прикрывавший лицо. В руках он держал извивающегося поросенка.

Заметив Эдгара, воры бросились бежать.

Эдгар вскипел от ярости. Эта свинья для него самого и его родичей — настоящее спасение. Если они ее лишатся, другой им никто не даст: люди скажут, что эти новички не в состоянии уследить за своим скотом.

Когда припекало, Эдгар обычно действовал не задумываясь. Онзмахнул топором и метнул оружие в спину вору с поросенком.

Сначала подумал, что промахнулся, и даже застонал от отчаяния, но острое лезвие вонзилось беглецу в плечо. Воришка пронзительно завопил, выронил добычу и рухнул на колени, обхватив рану пальцами.

Второй помог ему подняться.

Эдгар ринулся на них.

Они побежали, забыв о поросенке.

Эдгар помедлил, гадая, как поступить. Отчаянно хотелось поймать и примерно наказать воров. Но если упустить животное, перепуганный поросенок умчится неведомо куда, и поди его потом сыщи. Так что юноша отказался от погони за людьми в пользу поимки животного. Молодой, крепкий и выносливый, он догнал поросенка, прыгнул на него и схватил обеими руками за ноги. Как ни пытался, поросенок не сумел вырваться из его хватки.

Взяв беглеца поудобнее и понадежнее, Эдгар встал и пошел обратно к дому.

Он посадил поросенка в сарай, потрепал по холке Бриндла, который гордо завил хвостом. Поднял упавший наземь топор и вытер лезвие о траву, чтобы смыть кровь вора, а затем наконец вернулся к родичам.

Те разглядывали тело третьего грабителя.

— Мертв, — сказал Эдбальд.

— Давайте утопим его в реке, — предложил Эрман.

— Нет, — возразила матушка. — Пусть другие воры узнают, что мы его убили. — Никакой опасности от властей ей не грозило: по закону вора, пойманного с поличным, следовало убивать на месте. — Ступайте за мной, мальчики. И тело прихватите.

Эрман и Эдбальд подняли мертвеца. Матушка повела всех в лес, прошла сотню ярдов по едва заметной тропинке через подлесок, пока не добралась до места, где тропу пересекала другая, почти неразличимая. Всякий, кто полезет к ним со стороны леса, обязательно должен будет миновать этот перекресток.

Матушка окинула взглядом деревья, мрачные в лунном свете, и указала на одно из них — с раскидистыми ветвями низко над землей.

— Давайте повесим тело вон там, — сказала она.

— Зачем? — удивился Эрман.

— Чтобы показать всем вокруг, как мы поступаем с теми, кто задумает нас ограбить.

Эдгар мысленно хмыкнул. Он еще не видел мать такой суровой. Впрочем, обстоятельства изменились, и она тоже изменилась.

— У нас нет веревки, — посетовал Эрман.

— Эдгар что-нибудь придумает, — заявила матушка.

Эдгар кивнул и ткнул пальцем в раздвоенную ветку на высоте около восьми футов.

— Суньте его туда, чтобы ветки были подмышкой.

Пока братья затаскивали труп на дерево, Эдгар нашел палку длиной около фута и толщиной в дюйм и заточил один ее конец топором.

Братья справились.

— Теперь сведите ему руки вместе, скрестите впереди.

Когда и это поручение было выполнено, Эдгар воткнул заостренную палку в запястье мертвеца. Пришлось использовать топор как молоток, чтобы добиться желаемого. Кровь почти не текла, сердце разбойника остановилось уже давно.

Эдгар проткнул концом палки второе запястье мертвеца. Теперь обе руки были надежно скреплены, а тело прочно заклинили у ствола.

Этот стервец будет висеть, пока не сгниет, думал Эдгар.

Но другие воры, должно быть, вернулись за товарищем — утром тела уже не было.

Несколько дней спустя матушка послала Эдгара в деревню одолжить отрез прочного шнура на обвязку порвавшихся башмаков. Среди соседей одалживаться было принято, вот только ни у кого не нашлось отреза нужной длины. Впрочем, матушка не зря поведала историю о набеге викингов дважды — сначала в доме священнослужителей, а потом в таверне: местные, конечно, не торопились считать новоприбывших своими, однако в Дренгс-Ферри многие теперь сочувствовали бедам семейства, вынужденного покинуть Кум.

Стоял ранний вечер. На скамьях возле таверны собралась небольшая компания, попивавшая эль из деревянных кружек в лучах закатного солнца. Эдгар до сих пор не попробовал местный эль, но посетителям таверны тот, похоже, нравился.

Он уже успел перезнакомиться со всеми жителями деревни и потому узнал собравшихся. Настоятель Дегберт беседовал со своим братом Дренгом. Квенбург и румяная Беббе прислушивались к разговору. Рядом сидели три другие женщины — Леовгифу, иначе Лив, мать Квенбург; более молодая Этель, вторая жена или, может быть, наложница Дренга; и Блод, рабыня, наполнявшая кружки из кувшина.

Когда Эдгар подошел ближе, рабыня повернулась к нему и спросила на ломаном англосаксонском:

— Хотеть эль?

Эдгар покачал головой.

— У меня нет денег.

Остальные воззрились на него, и Квенбург с усмешкой сказала:

— Зачем ты пришел в таверну, если не можешь позволить себе кружку эля?

Очевидно, она все еще злилась на то, что Эдгар отверг ее приставания. Сам того не желая, он нажил себе врага. Юноша мысленно застонал.

Обращаясь ко всем сразу и словно не услышав язвительных слов Квенбург, он негромко проговорил:

— Мать просит одолжить отрез прочного шнура на починку обуви.

— А чего сама не сделает? — не унималась Квенбург.

Остальные промолчали.

Эдгар растерялся, но отступить не спешил.

— Мы будем признательны за одолжение, — произнес он, стараясь не скрежетать зубами. — И непременно вернем, когда встанем на ноги.

— Если это когда-нибудь случится, — ввернула Квенбург.

Лив недовольно фыркнула. На вид ей было около тридцати, значит, Квенбург она родила лет в пятнадцать. Когда-то она наверняка была хорошенькой, подумалось Эдгару, но сейчас выглядела так, будто выпила слишком много собственноручно сваренного эля. Правда, она оставалась достаточно трезвой, чтобы укорить свою дочь за грубость.

— Добрые соседи так себя не ведут, девчушка.

— Оставь ее в покое, — сердито проворчал Дренг. — Она ничего такого не сказала.

Снисходительный отец, понятно, откуда что берется у дочери.

Лив встала.

— Идем, — позвала она Эдгара доброжелательным тоном. — Глядишь, у меня что найдется.

Он последовал за нею в дом. Она зачерпнула из бочки кружку эля и протянула ему.

— Бесплатно.

— Спасибо. — Он сделал глоток. Да, эль и вправду был хорош, отчего настроение Эдгара резко подскочило. Он осушил кружку и сказал: — Очень вкусно.

Лив улыбнулась.

Тут Эдгару вдруг пришло в голову, что она может иметь на него те же виды, что и ее дочь. Нет, он не страдал избытком тщеславия и не думал, что на него должны кидаться все женщины на свете, но догадывался, что в крохотной деревеньке каждый новый мужчина вызывает повышенный интерес.

Лив отвернулась и принялась рыться в сундуке. Мгновение спустя она достала моток веревки.

— Держи.

Она просто проявила доброту.

— Ты хорошая соседка. Благодарю.

Она забрала у него пустую кружку.

— Передавай наилучшие пожелания своей матери. Она храбрая женщина.

Эдгар вышел на улицу. Там разглагольствовал Дегберт, явно под воздействием напитка, который он столь охотно поглощал.

— По церковным календарям мы живем в девятьсот девяносто седьмом году от Рождества Господа нашего! Иисусу исполнилось девятьсот девяносто семь лет. Через три года наступит тысячелетие*.

Эдгар разбирался в числах и просто не мог промолчать.

— Разве Иисус родился не в первый год? — уточнил он.

— Так и есть. — Дегберт посмотрел на юношу и снисходительно добавил: — Это знает каждый образованный человек**.

— Выходит, свой первый день рождения он справлял во втором году.

Дегберт не нашелся с ответом, а Эдгар продолжал:

— В третий год ему исполнилось два года и так далее. Значит, в этом году, девятьсот девяносто седьмом от Рождества, ему исполнится девятьсот девяносто шесть лет.

Дегберт взъярился.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь, высокомерный щенок!

Голос разума уговаривал Эдгара не спорить, но юноша поддадался желанию исправить арифметическую ошибку.

— Вполне понимаю. День рождения Иисуса — это день Рождества, так что сейчас ему, строго говоря, всего девятьсот девяносто пять лет с половиной.

Лив, наблюдавшая за спором из дверного проема, ухмыльнулась.

— Вот так-то, Дегси!

Дегберт сделался мертвенно-бледным.

— Как ты смеешь говорить такое священнику? — прошипел он. — Ты вообще кто, по-твоему, такой? Даже читать не умеешь!

— Зато считать хорошо умею, — упрямо стоял на своем Эдгар.

— Забирай свою веревку, парень, — сказал Дренг, — и уходи. Не возвращайся, пока не научишься уважать старших и тех, кто выше тебя.

— Это же просто числа. — Эдгар желал все исправить, но понимал, что уже слишком поздно. — Я не хотел проявлять непочтительность.

— Прочь с моих глаз! — бросил Дегберт.

* В григорианском и юлианском календарях «нулевой» год отсутствует, что до сих пор провоцирует некоторое количество «арифметических» споров вокруг летоисчисления (достаточно вспомнить недавние обсуждения точной даты начала XXI столетия).

** По сей день эта расхожая точка зрения преобладает, поскольку опирается на принятое летоисчисление (первый год новой эры = первый год земной жизни Христа). Однако в библиистике сегодня принято относить рождение Христа к VI — IV вв. до н.э.

— Давай-давай, проваливай, — добавил Дренг.

Эдгар повернулся и пошел в сторону реки, обуреваемый горькими чувствами. Его семья нуждалась в любой возможной помощи, а он только что нажил двух врагов.

Зачем он вообще открыл рот, болван!

4

Начало июля 997 г.

Дама Рагнхильд, дочь графа Хьюберта Шербурского, сидела между английским монахом и французским священником. Сама Рагна, как называли ее близкие, находила монаха забавным, а священника напыщенным, но именно священника ей поручили очаровать.

В замке Шербур как раз настало время полуденной трапезы. Могучее каменное укрепление стояло на вершине холма, господствуя над гаванью. Отец Рагны гордился этим сооружением, необычным и неприступным.

Вообще граф Хьюберт гордился многим. Он дорожил своим ратным духом, унаследованным от викингов, но еще больше ценил то обстоятельство, что викинги с ходом лет сделались норманнами и заговорили на собственном наречии местного языка. А сильнее всего ему нравилось, что они обратились в христианство и взялись восстанавливать церкви и монастыри, разграбленные их предками. За сотню лет бывшие морские разбойники превратились в законопослушных владетелей, равных которым не было во всей Европе.

Длинный стол на козлах стоял в большой зале на верхнем ярусе замка. Стол застелили белой льняной тканью, ниспадавшей до пола. Родители Рагны сидели во главе стола. Мать звалась Гиннлауг, но она предпочла сменить имя на франкское — Женевьева, чтобы угодить своему мужу.

Граф с графиней, как и высокородные гости, вкушали еду с бронзовых блюдец, пили из кружек вишневого дерева с серебряными ободками и пользовались позолоченными ножами и ложками; посуда выглядела дорогой, но не чрезмерно роскошной.

Английский монах, брат Олдред, был удивительно привлекателен. Он напоминал Рагне римскую мраморную статую, виденную в Руане, — мужская голова с короткими вьющимися волосами,

потемневшая от возраста и с отбитым кончиком носа, совершенно очевидно, древнее изваяние какого-то божества.

Олдред прибыл в замок накануне днем, прижимая к груди охапку книг, приобретенных в большом норманнском аббатстве Жюмьеж. «С тамошним скрипторием не сравнится никакой другой! — восклицал он. — Целое войско монахов переписывает и украшает рукописи для просвещения человечества!» Книги и мудрость, которая в них содержалась, явно были страстью английского гостя.

Рагне даже казалось, что эта страсть вытеснила из его жизни все прочие восторженные душевные порывы, запретные для служителей церкви. С нею Олдред вел себя безупречно и мило, но совсем иное, более голодное выражение появлялось на его лице, когда он смотрел на ее брата Ричарда, высокого четырнадцатилетнего юношу с пухлыми, как у девочек, губами.

В замке Олдред дожидался попутного ветра, чтобы переправиться через пролив и вернуться в Англию.

— Мне не терпится снова очутиться в Ширинге и поведать своим собратьям в монастыре о том, как монахи Жюмьежа украшают буквы, — признался он. Олдред изъяснялся на местном наречии, изредка вставляя латинские и англосаксонские слова. Рагна владела латынью и набралась познаний в англосаксонском у своей няни, которая когда-то вышла замуж за норманнского моряка и перебралась в Шербур. — А те две книги, которые я купил, у нас и вовсе неизвестны.

— Брат, ты не слишком ли молод, чтобы быть настоятелем? — спросила Рагна. — Или у вас в Ширинге другие порядки?

— Мне тридцать три года, но я не настоятель, — ответил Олдред с улыбкой. — На моем попечении как армария* находятся скрипторий и библиотека.

— Большая библиотека?

— Пока у нас есть восемь книг, а когда я вернусь домой, их станет вдвое больше. В скриптории вместе со мною трудится брат Татвин. Он разукрашивает буквы, а я пишу — меня более занимают слова, а не краски.

Священник, отец Луи, прервал этот разговор, вовремя напомнив Рагне о порученном ей деле — произвести на него хорошее впечатление.

— Госпожа Рагнхильд, ты умеешь читать?

* Букв. «хранителя», от *лат.* *Armarium* — хранилище (ларец) для книг.

— Конечно, умею.

Священник приподнял бровь, выражая вежливое удивление. Далеко не все знатные женщины умели читать.

Рагна вдруг сообразила, что своими последними словами выказала, сама того не желая, высокомерие и надменность. Пытаясь загладить вину и проявить любезность, она прибавила:

— Отец научил меня читать еще в детстве, до того как родился мой брат.

Когда отец Луи прибыл в замок неделю назад, мать Рагны позвала дочь в личные покои графа и графини и спросила:

— По-твоему, зачем он явился?

Рагна нахмурилась.

— Не знаю.

— Это не просто священник, он помощник графа Реймского и каноник тамошнего собора. — Женестьева была статной женщиной, но за ее внушительным обликом пряталась изрядная робость.

— Что же привело его в Шербур?

— Ты, — коротко ответила мать.

Рагна начала догадываться, к чему эта беседа.

Женестьева продолжала:

— У графа Реймского сын Гийом, юноша твоего возраста и пока холостой. Граф ищет ему жену. Отец Луи прибыл оценить, годишься ли ты.

Волной накатило негодование. Пускай так было заведено в их кругах, Рагна все равно на мгновение ощутила себя коровой, которую оценивает потенциальный покупатель. Впрочем, девушка подавила возмущение.

— И каков этот Гийом?

— Главное, что он — племянник короля Роберта. — Двадцатипятилетний Роберт Второй из династии Капетингов был королем Франции. Для Женестьева величайшим достоинством мужчины была кровная связь с королевским родом.

Сама Рагна ценила в мужчинах иное. Она предпочитала судить по личным качествам, не обращая внимания на положение в обществе.

— Просто племянник? — уточнила она и сразу поняла, что выбрала неверный тон.

— Не язви. Женская язвительность отталкивает мужчин.

Выстрел попал в цель. Рагна уже успела отвергнуть нескольких ухажеров, которые к ней сватались и которых родители считали

подходящей парой. Все они чего-то испугались. Дело было не в ее высоком росте — она переняла стать от матери, — точнее, не только в нем.

— Гийом здоров, он не сумасшедший и не развратник, — добавила мать.

— Прямо мечта всех девушек.

— Опять язвись?

— Прости. Обещаю быть милой с этим отцом Луи.

Рагне уже исполнилось двадцать, и она не могла бесконечно оставаться одинокой. А в женский монастырь ей нисколько не хотелось.

Мать беспокоилась. «Тебе нужна пламенная страсть, привязанность на всю жизнь, но такое существует лишь в стихах, — говорила Женевьева. — В настоящей жизни мы, женщины, довольствуемся тем, что можем получить».

Рагна знала, что мать права.

Наверное, ей придется выйти за этого Гийома, если он, конечно, не совсем противный, но согласиться она намеревалась на собственных условиях. Она хотела понравиться отцу Луи, но также старалась внушить священнику, какой именно женой она способна стать. Нет, ей не быть простым украшением дома вроде великолепной шпалеры, которую муж с гордостью показывал бы гостям; и она не готова становиться хозяйкой дома, занятой устройством пиров и развлечением гостей. Она желает на равных с будущим мужем управлять его владениями. В подобном выборе не было ничего необычного: всякий раз, когда знатный мужчина уходил воевать, он оставлял вместо себя того, кого назначал блюсти земли и состояние. Как правило, эти обязанности возлагались на брата или взрослого сына, но нередко они ложились и на жену.

За свежевывловленным морским окуном, приготовленным в сидре, отец Луи начал изучать умственные способности Рагны. Услышав ее признание в умении читать, он, не скрывая недоверия, спросился:

— Что же ты читаешь, моя госпожа? — По его тону мгновенно становилось понятно, что он сомневается, будто миловидная молодая женщина разбирается в литературе.

Будь этот священник менее привередливым, очаровать его было бы куда проще.

— Мне нравятся стихи, в которых рассказывают истории, — ответила Рагна.

— Это какие же?

Судя по всему, священник полагал, что она не сможет вспомнить ни единого названия, — но он глубоко заблуждался.

— Меня очень тронула история святой Евлалии, — сказала Рагна. — Бедняжка вознеслась на небеса в обличье голубки*.

— В самом деле, — подтвердил отец Луи, как бы давая понять, что уж о святых-то ему известно поболее, чем графским дочерям.

— Еще я читала английский стих под названием «Плач жены»**. — Рагна повернулась к Олдреду: — Ты его слышал?

— Да, слышал, но не уверен, что он английский. Поэты ведь скитаются туда и сюда. Развлекают какой-нибудь двор год или два, потом уходят, когда их стихи надоедают. Или находят себе богатого покровителя и поддаются на его соблазны. В общем, они скитаются по свету, а почитатели переводят их сочинения на другие языки.

Рагна сказала себе, что Олдред определенно ей нравится. Он так много знает и готов делиться своими знаниями без спеси, не выказывая превосходства!

Она снова повернулась к священнику — дело прежде всего.

— Что-то не так, отец Луи? Ты прибыл из Реймса, а оттуда недалеко до германских земель.

— Верно, — откликнулся он. — Ты хорошо образована, госпожа.

Рагна поняла, что прошла испытание. Быть может, то снисходительное отношение, которым поначалу буквально сочился Луи, было преднамеренной попыткой вывести ее из себя. Она порадовалась тому, что не попала на эту удочку.

— Спасибо, ты очень добр, — неискренне поблагодарила она. — Мой брат занимается с наставником, и мне разрешают молча присутствовать на занятиях.

— Понятно. Немногие девушки столько знают. Лично я читаю в основном Священное Писание.

— Это естественно.

Что ж, она сумела снискать толику одобрения. Будущая жена Гийома должна быть образованной и способной отстоять в разго-

* Имеется в виду Евлалия из Мериды, раннехристианская мученица, пострадавшая от гонений при римских императорах Диоклетиане и Максимиане. Житие святой (так называемая «Секвенция святой Евлалии») датируется приблизительно 880 г. и считается древнейшим из сохранившихся житийных текстов на старофранцузском языке.

** Элегия анонимного автора, один из блестящих образцов древнеанглийской поэзии (существует современный русский перевод В. Г. Тихомирова).

воре свою точку зрения, а Рагна только что именно это и продела- ла. Девушка надеялась, что скрасила этими достижениями свое прежнее высокомерие.

Воин по имени Берн Великан приблизился к графу Хьюберту и тихо что-то сказал. Рыжая борода отчасти скрывала его увесистое брюхо.

После короткого обсуждения граф встал из-за стола. Отец Раг- ны не отличался высоким ростом, а рядом с Берном казался кар- ликом. Вопреки своим сорока пяти годам, он выглядел озорным мальчишкой. Граф брил затылок, следуя принятому среди норман- нов обычаю.

— Мне придется уйти, — сообщил он, подойдя к Рагне. — Надо срочно ехать в Валонь. Вообще-то я собирался изучить обстоятель- ства спора в деревне Сен-Мартен, но ничего не выйдет. Ты меня заменишь?

— С удовольствием! — воскликнула Рагна.

— Там живет серв по имени Гастон, он не желает платить по- дать, явно чем-то недоволен.

— Я все выясню и улажу, отец, не беспокойся.

— Отлично. — Граф покинул залу в сопровождении Берна.

— Твой отец любит тебя, госпожа, — заметил Луи.

Рагна мило улыбнулась.

— Я тоже его люблю.

— Ты часто его замечаешь?

— Деревня Сен-Мартен для меня особенная. Вся эта область входит в мое приданое. Но ты прав, я нередко подменяю отца и в других местах.

— Обычно вместо себя куда чаще посылают жен.

— Ты снова прав.

— Но твой отец поступает иначе, по-своему. — Священник повел рукой, подразумевая замок. — Как и с этим зданием, напри- мер.

Нельзя было сказать наверняка, высказывает ли отец Луи таким образом неодобрение или просто проявляет любопытство.

— Матушка старается избегать хлопот по управлению, а мне вот нравится.

— Порой женщины хорошо справляются, — вставил Олдред. — У нашего короля Альфреда была дочь по имени Этельфледа, она правила обширной Мерсией после смерти мужа. Она укрепляла города и побеждала в битвах.

Рагне пришло в голову, что есть способ произвести впечатление на Луи. Можно позвать его с собой, чтобы священник посмотрел, как она общается с простолюдинами. Такое общение полагалось знатым женщинам, и она знала, что у нее неплохо получается.

— Хочешь отправиться со мной в Сен-Мартен, священник?

— Почту за честь. — Отец Луи не медлил с ответом.

— А по дороге ты расскажешь мне о графе Реймском. Кажется, у него есть сын моего возраста.

— Совершенно верно.

Когда ее приглашение было принято, Рагна внезапно осознала, что не слишком-то ждет разговора с Луи, поэтому она повернулась к Олдреду.

— А ты хочешь поехать? Обещаю, мы вернемся к вечернему приливу, так что, если даже ветер переменится, ты все равно сможешь отплыть в ночь.

— Буду рад.

Все поднялись из-за стола.

Личной горничной Рагны была черноволосая девушка ее возраста по имени Кэт. Эту девицу отличал от прочих нос с заостренным кончиком, ноздри походили на острия двух гусиных перьев, положенных рядом. Впрочем, эта черта несколько не портила облик привлекательной девушки, деловитой, умелой и проказливой, о чем свидетельствовала искорка во взгляде.

Кэт помогла Рагне снять домашнюю одежду и убрала ту в сундук. Затем достала полотняные штаны в обтяжку, призванные защищать кожу при верховой езде, и подала кожаные сапоги, а в завершение вручила госпоже хлыст.

Заглянула мать.

— Будь поласковее с отцом Луи, — сказала Женевьева. — Не пытайся выставить его невеждой, мужчины это ненавидят.

— Хорошо, мама, — кротко откликнулась Рагна. Она отлично знала, что женщинам не пристало быть чрезмерно умными, однако она так часто нарушала это правило, что мать сочла нужным напомнить ей — на всякий случай.

Рагна покинула башню и направилась к конюшне. Граф Хьюберт выделил дочери в сопровождение четверых воинов во главе с Берном Великаном. Крепкие руки конюхов уже оседлали ее любимую лошадь — серую кобылку Астрид.

Брат Олдред привязал кожаную подушку к седлу и восхищенно воззрился на деревянное седло Рагны с медными заклепками.

— Красиво, конечно, но разве лошади не больно?

— Ничуть, — твердо ответила Рагна. — Дерево прочное, груз ложится ровно, а вот мягкое седло натирает лошади спину.

— Слышал, Дисмас? — осведомился Олдред у своего пони. — Тебе такая штука нравится?

Рагна заметила на лбу пони белую отметину, очертаниями смахивавшую на крест. Эта отметина удачно подходила животному, на котором ездил монах.

— Дисмас? — переспросил отец Луи.

Рагна объяснила:

— Так звали одного из разбойников, распятых вместе с Иисусом*.

— Я знаю, — проговорил Луи.

Вот опять! Хватит корчить из себя умную.

— Этот Дисмас тоже разбойничает, — признался Олдред, — падок на еду.

— Ясно. — Судя по всему, священник не одобрял употребление такого имени в шутливой манере, но больше он ничего не сказал и стал молча седлать своего мерина.

Они выехали из замка. По дороге вниз по склону Рагна опытным взглядом осмотрела корабли в гавани. Она выросла в порту, а потому сызмальства научилась различать лодки и прочие суда. Сегодня преобладали рыбацкие лодки и прибрежные суда, но в доке она заметила английский купеческий корабль — видимо, тот, на котором собирался уплыть Олдред; а поблизости виднелись мгновенно узнаваемые с любого расстояния хищные очертания боевых ладей викингов.

Повернули на юг и спустя несколько минут оставили за спиной дома небольшого городка. Ровную местность обдувал стойкий морской бриз. Знакомая дорога вела мимо коровьих пастбищ и яблоневых садов.

— Теперь, когда ты узнал нашу страну, брат Олдред, что ты можешь о ней сказать? — спросила Рагна.

— Я заметил, что у знатных людей здесь, кажется, принято иметь одну жену, без признанных наложниц. В Англии же допускается сожитительство и даже многоженство, что бы ни говорила церковь.

* Согласно многочисленным апокрифам, этот человек («Благоразумный разбойник») на кресте раскаялся и искренне уверовал в божественность Иисуса; тем самым он стал первым праведником, очутившимся в раю.

— Таким мало кто хвастается, — возразила Рагна. — Здешняя знать отнюдь не святая.

— Не сомневаюсь в этом, но тут, по крайней мере, люди осознают, что грешно, а что нет. Еще я нигде в Нормандии не видел рабов.

— В Руане есть невольничий рынок, но все покупатели там — чужестранцы. У нас рабства почти не осталось. Наше духовенство осуждает рабовладение, в основном потому, что многих рабов принуждают к блудодействию и мужеложству.

Отец Луи негромко хмыкнул. Наверное, он не привык к тому, что молодые женщины рассуждают о блуде и мужеложстве. Рагна укорила себя — она допустила очередную ошибку.

Олдред же ничуть не удивился и продолжил свой рассказ.

— С другой стороны, ваши крестьяне — это сервы, им нужно разрешение господина на вступление в брак, на перемену занятия или на то, чтобы переселиться в соседнюю деревню. А в Англии все крестьяне свободны.

Рагна задумалась над его словами. До сих пор она как-то упускала из виду, что норманнские порядки приняты не повсеместно.

Доехали до поселения Лешен. Рагне бросилось в глаза, что трава на лугах стоит высоко. Значит, крестьяне через неделю или две ее скосят и станут собирать сено на прокорм скоту по зиме.

Мужчины и женщины, трудившиеся в полях, бросали свои дела и махали руками дочери графа.

— Дебора! — кричали они. — Дебора!

Рагна помахала в ответ.

— Я верно расслышал, госпожа? — уточнил Луи. — Они зовут тебя Деборой?

— Да, такое у меня прозвище.

— Откуда оно взялось?

Рагна усмехнулась.

— Потерпи немного, ты все узнаешь.

Копыта семи лошадей стучали довольно громко, и люди выглядывали из домов. Рагна увидела знакомую женщину и натянула поводья.

— Элен, правильно? Жена пекаря?

— Она самая, госпожа. Да благословят тебя небеса крепким здоровьем и счастьем.

— Как твой маленький сын, который упал с дерева?

— Он умер, госпожа.

— Соболезную.

— Люди говорят, что мне ни к чему горевать, ведь у меня еще трое сыновей.

— Глупцы, кто бы они ни были! — воскликнула Рагна. — Потерять ребенка — нет для матери горя страшнее, и не имеет значения, сколько еще у нее детей.

Слезы катились по покрасневшим от ветра щекам Эллен. Женщина протянула руку. Рагна нежно сжала ее пальцы, а Эллен поцеловала руку девушки.

— Ты понимаешь меня, госпожа.

— Разве что немного, — отозвалась Рагна. — До свидания, Эллен.

Поехали дальше.

— Бедняжка, — проговорил со вздохом Олдред.

— Отдаю тебе должное, госпожа, — сказал отец Луи. — Эта женщина будет благословлять тебя до конца своих дней.

Рагна мысленно скривилась. Очевидно, Луи подумал, что она проявляет показную доброту лишь для того, чтобы заручиться расположением крестьян. Ей захотелось спросить священника, знакомо ли ему подлинное сострадание, но на сей раз она совладала с собой и укоротила свой язычок.

— Но я до сих пор не понимаю, почему они зовут тебя Деборрой, — продолжал Луи.

Рагна загадочно улыбнулась, но объяснить не стала. Пусть сам разбирается.

— Я заметил, что у многих здесь такие же чудесные рыжие волосы, как у тебя, госпожа Рагна, — произнес Олдред.

Девушка гордилась своими золотистыми с рыжеватым отливом кудрями.

— Это кровь викингов, — ответила она. — Если поискать, здесь найдутся те, кто до сих пор говорит на северном наречии.

— Норманны отличаются от всех, кто обитает во франкских землях, — вставил Луи.

Его слова можно было бы принять за похвалу, но Рагна догадывалась, что священник подразумевал иное.

Через час они прибыли в Сен-Мартен. Рагна остановила лошадь на окраине деревни. Горстка мужчин и женщин трудилась на огороде, и среди них девушка углядела Герберта, местного старосту, иначе рива. Она спешила и прямо по траве двинулась в его сторону, а спутники последовали за нею.

Герберт поклонился Рагне. Выглядел он не слишком привлекательно — кривой нос, зубы настолько изогнутые, что он был не в состоянии полностью закрыть рот. Граф Хьюберт назначил Герберта старостой за его несомненный ум, но Рагна сомневалась в том, что этому человеку стоит безоговорочно доверять.

Люди в огороде оставили свои дела и собрались вокруг Рагны и Герберта.

— Чем вы заняты сегодня, Герберт?

— Мелкие яблоки обрываем, госпожа, чтобы другие наливались соком.

— Значит, будет хороший сидр?

— Наш сен-мартеновский сидр крепче многих, по милости Всевышнего и нашими стараниями.

Половина деревень Нормандии поспорила бы с Гербертом, но Рагна не стала говорить это вслух.

— А что вы делаете с незрелыми яблоками?

— Скормим их козам, чтобы козий сыр стал слаще.

— Кто у вас в деревне лучший сыровар?

— Рене. — Герберт ничуть не замедлил с ответом. — Она берет овечьё молоко.

Другие крестьяне замотали головами, и Рагна это заметила.

— А вы что скажете?

Сразу двое или трое проговорили хором:

— Торкиль.

— Ладно, идемте все в деревню, я попробую оба сыра.

Крестьяне, весело гомоня, зашагали за госпожой. Любые перемены в повседневной суеде были для них в радость, и редко случалось так, чтобы они отказывались прекращать работу.

Луи с легким раздражением сказал:

— Мы проделали весь этот путь не для того, чтобы отведать сыра. Разве ты прибыла не для того, чтобы уладить спор?

— Потерпи, священник. Я знаю, что делаю.

Луи досадливо хмыкнул.

Рагна не стала возвращаться в седло, пошла пешком по пыльной дороге между золотистыми полями зерновых. Так ей было проще разговаривать с простолюдными. Особенно охотно она общалась с женщинами, ибо те делились с госпожой сплетнями, которыми мужчины пренебрегали. За время прогулки Рагна узнала, что Рене — жена Герберта, что брат Рене Бернар владеет отарой овец

и что Бернар затеял склоку с Гастоном, тем самым, кто отказывается платить подать.

Рагна всегда старалась запоминать имена. Такое отношение показывало людям, что о них заботятся. Всякий раз, услышав чье-либо имя в разговоре, она делала пометку в уме.

По дороге к ним присоединялось все больше крестьян, а в деревне их поджидала целая толпа. Рагна давно усвоила, что между полями в сельской местности имеется какая-то загадочная связь: неким таинственным образом мужчины и женщины, что трудились в поле за милю или больше от места событий, как будто мгновенно узнавали о прибытии гостей.

Посреди деревни стояла небольшая красивая каменная церковь со сводчатыми окнами, которые тянулись вдоль стен ровными рядами. Рагна знала, что священник Одо служит сразу в четырех окрестных деревнях, по одной в каждое воскресенье месяца; правда, сегодня он был тут, в Сен-Мартене. Наверняка его оповестили все тем же колдовским способом.

Олдред немедленно устремился к отцу Одо, а вот Луи этого не сделал: быть может, он посчитал, что общение с деревенским священником ниже его благородного достоинства.

Рагна попробовала сыр Рене и Торкиля и признала, что оба хороши — мол, победителя попросту не выбрать, поэтому она купит по головке того и другого, угодив обоим сыроварам.

Она обошла деревню, заглядывая в каждый дом и каждый сарай, старалась обменяться хотя бы несколькими словами с каждым взрослым и со многими детьми; затем, когда сочла, что достаточно убедила крестьян в своей доброй воле, объявила, что готова вершить суд.

По большей части Рагна научилась такому поведению у своего отца. Графу нравилось разговаривать с простолюдинами, он с ними ладил и хорошо умел заводить среди них друзей. Возможно, позже некоторые превратятся во врагов — в конце концов, ни один правитель не в силах угодить всем подряд, — но даже тогда они крепко подумают, стоит ли идти против него. Отец многому научил Рагну, а остальное она узнала, наблюдая за ним.

Герберт принес табурет и поставил перед западной стеной церкви, Рагна уселась, остальные встали вокруг. Затем староста позвал Гастона, высокого и крепкого крестьянина лет тридцати с копной черных волос. Лицо этого верзилы выражало негодование, но Рагна чувствовала, что обычно он куда дружелюбнее.

— Что ж, Гастон, — начала она, — пора разъяснить мне и своим соседям, почему ты отказываешься платить подать.

— Госпожа, взываю к тебе...

— Погоди. — Рагна вскинула руку, прерывая Гастона. — Если кто забыл, мы не при дворе короля франков. — Крестьяне захихикали. — Нам ни к чему громкие слова и высокопарные речи. — Вообще-то Гастон не походил на человека, способного произнести подобную речь, но он вполне мог попытаться это сделать, если не осадить его заранее. — Вообрази, что пьешь сидр в компании друзей, и они спрашивают, из-за чего ты так разозлился.

— Хорошо, госпожа. Я не плачу подать, потому что мне нечем платить.

— Ерунда, — проворчал Герберт.

Рагна нахмурилась и смерила Герберта суровым взглядом.

— Тебя я выслушаю в свой черед, — строго сказала она.

— Да, госпожа.

— Гастон, сколько ты должен платить?

— Госпожа, я выращиваю мясной скот и каждый мидсоммер должен отдавать твоему благородному отцу двух двухлеток.

— Хочешь сказать, животных у тебя нет?

Герберт не утерпел:

— Именно так.

— Герберт!

— Прости, госпожа.

— Меня лишили выпаса, — объяснил Гастон. — Овцы Бернара съели всю траву. Моим коровам пришлось питаться прошлогодним сеном, потому молоко у них высохло, а два теленка сдохли.

Рагна оглядела крестьян, пытаясь вспомнить, кто из них Бернар. Взгляд упал на маленького и худощавого мужчину с волосами, похожими на солому. Сомневаясь в своем выборе, она поступила просто.

— Давайте выслушаем Бернара.

Да, она не ошиблась. Тот самый мужчина откашлялся и промямлил:

— Гастон должен мне теленка.

Похоже, это давний спор с запутанной историей.

— Так, по порядку. Верно ли, что твои овцы паслись на выпасе Гастона?

— Да, но он мне должен.

— К этому мы вернемся. Итак, ты привел своих овец на его выпас.

— У меня была веская причина.

— Именно поэтому у Гастона сдохли телята.

Староста Герберт поведал:

— Новорожденные, этого года. А прошлогодние все живехоньки. У него есть двое однолеток, так что он вполне может расплатиться с графом.

— Тогда в следующем году у меня не будет годовалых! — возмутился Гастон.

У Рагны голова пошла кругом: такое ощущение она испытывала всякий раз, когда ей приходилось разбирать крестьянские распри.

— Замолчите все! — велела она. — Значит, мы выяснили, что Бернар нарочно запустил овец на выпас Гастона. Он утверждает, что тому была причина, и это мы обсудим позже. В итоге Гастон решил — верно или ошибочно, там посмотрим, — что он слишком беден, чтобы платить подать в нынешнем году. Гастон, правда ли, что ты должен Бернару теленка? Отвечай, да или нет.

— Да.

— Почему ты не вернул ему долг?

— Верну, когда смогу.

— Да он время тянет, чтобы вообще не отдавать! — яростно прошипел Герберт.

Рагна терпеливо слушала, как Гастон объясняет, почему взял займы у Бернара и с какими трудностями столкнулся. Заодно спорщики вывалили на дочь графа целую грудку взаимных недовольств, едва ли уместных на этом суде, — и якобы нанесенные друг другу оскорбления, и наветы жен, и препирательства по поводу того, какие слова были произнесены и каким тоном. Рагна позволила всем выговориться, понимая, что крестьянам нужно выплеснуть гнев. Но потом ее терпение иссякло.

— Я услышала достаточно, — заявила она. — Вот мое решение. Во-первых, Гастон должен графу, моему отцу, двух двухлетних телят. Оправдания не принимаются. От уплаты подати он отказывался неправомочно. Его за это не накажут, потому что тут не только его вина, но если должен, то плати.

Крестьяне восприняли эти слова по-разному. Одни неодобрительно загудели, другие согласно закивали. Гастон нарочито поджал губы, показывая, насколько он уязвлен.

— Во-вторых, Бернар виноват в гибели двух телят Гастона. Невыплаченный долг Гастона не оправдывает проступка Бернара. Итак, Бернар должен Гастону двух телят. Однако Гастон задолжал Бернару одного теленка, так что Бернар обязан возместить всего одного.

Теперь уже Бернар опешил. Рагна оказалась суровее, чем ожидали люди. Но никто не возражал, поскольку подобные решения были в ее праве.

— Последнее. Нельзя было допускать этого спора, и тут несомненная вина Герберта.

Староста так и вскинулся.

— Госпожа, позволишь мне сказать?

— Еще чего! — Рагна притопнула ногой. — Раньше надо было думать. Теперь моя очередь говорить, а ты молчи.

Староста поник.

— Герберт — глава деревни, — продолжала Рагна, — он давно должен был во всем разобраться. Сдается мне, что его убедила не вмешиваться жена Рене, которая хотела, чтобы он поддержал ее брата Бернара.

Рене заметно смутилась.

— Поскольку во всем случившемся отчасти виноват Герберт, я забираю у него одного теленка. Телята у него есть, я сама видела их на его дворе. Он отдаст теленка Бернару, а тот передаст животное Гастону. Все долги погашены, все виновные наказаны.

Рагна сразу поняла, что жителям деревни пришлось по нраву ее решение. Она настояла на соблюдении правил, но сделала это с умом. Люди многозначительно кивали друг другу, кто-то усмехался, но возражать вслух никто не отважился.

— А теперь, — девушка встала, — налейте мне чашку своего знаменитого сидра. Пусть Гастон и Бернар выпьют из одной кружки и помирятся.

Крестьяне принялись горячо обсуждать суд, очевидцами которого им выпало стать, а отец Луи подошел к Рагне и негромко сказал:

— Дебора была одной из судей Израилевых. Вот почему тебе дали такое прозвище.

— Верно.

— Единственная женщина-судья...

— Тоже верно.

Священник кивнул.

— Ты хорошо справилась, госпожа.

«Наконец-то я тебя удивила», — подумала Рагна.

Допив сидр, они попрощались с крестьянами и тронулись в обратный путь. По дороге Рагна стала расспрашивать Луи о Гийоме.

— Он высок ростом, — сказал священник.

Полезные сведения.

— Что его злит?

Взгляд Луи подсказал Рагне, что священник оценил глубину ее вопроса.

— В общем-то, ничего. Наш Гийом довольно спокойно относится к жизни. Но раздражается, конечно, на бестолковых слуг — когда еда скверно приготовлена, седло плохо прилажено, постельное белье мягкое...

Придира, мысленно подытожила Рагна.

— Зато он на отличном счету в Орлеане, — продолжал Луи. В Орлеане находился королевский двор. — Дядя, король, его опекает.

— Гийом тщеславен?

— Не тщеславнее любого другого молодого человека его положения.

Уклончивый ответ, подумалось Рагне. Либо Гийом честолюбив до крайности, либо наоборот.

— А чем он интересуется? Охотой? Разведением лошадей? Музыкой?

— Он ценит красивые вещи. Собирает узорчатые броши-фибулы и расшитые висы*. У него отменный вкус. Прости, госпожа, но ты до сих пор не спросила меня о том, что, по моему мнению, должно заботить молодую женщину.

— И что же это?

— Красив ли он.

— Ну, здесь я вынесу собственное суждение, — заявила Рагна.

Ближе к Шербуру она заметила, что ветер все-таки переменился.

— Твой корабль отплывет сегодня вечером, — сказала она Олдреду. — До прилива еще час, но тебе лучше подняться на борт.

По возвращении в замок Олдред собрал драгоценные книги. Отец Луи и Рагна проводили монаха и его верного Дисмаса к берегу.

— Было приятно познакомиться с тобой, госпожа Рагна. — Олдред наклонил голову. — Доведись мне раньше встретить такую девушку, я, быть может, и не стал бы монахом.

* В североευропейской традиции висы — разнообразные подвески и кулоны.

Впервые за все время он позволил себе подобное замечание, однако Рагна догадывалась, что это просто проявление вежливости.

— Благодарю, Олдред. Почему-то мне кажется, что ты подался бы в монахи в любом случае.

Он печально улыбнулся, понимая, о чем она думает.

«Жаль, что мы с ним, скорее всего, никогда больше не увидимся», — сказала себе Рагна.

В море между тем показался шедший к гавани корабль. Похож на английское рыболовное судно, подумала девушка. Вот на нем свернули парус, чтобы волны поднесли судно к берегу.

Олдред поднялся на борт вместе со своим пони. Моряки принялись отвязывать канаты и поднимать якорь. А на английском рыболовном судне делали ровно противоположное.

Олдред помахал Рагне и Луи, когда его корабль двинулся прочь от суши. С английского судна сошла на берег немногочисленная мужская компания. Рагна с праздным любопытством окинула их взглядом. У всех густые усы, но нет бород, по этому признаку легко опознать англа.

Взор Рагны остановился на самом высоком среди гостей. Лет сорока на вид, с густой гривой светлых волос. Синий плащ, раздуваемый приморским ветром, был закреплен на широких плечах затейливой серебряной булавкой, на поясе сверкала серебряная пряжка с висами, в рукояти меча виднелись драгоценные камни. Недаром Рагне доводилось слышать, что английские мастера — лучшие в христианском мире.

Англичанин ступал уверенной походкой, товарищи спешили за ним. Он направился напрямик к Рагне и отцу Луи, очевидно, догадавшись по их одежде, что перед ним не простолюдины.

— Добро пожаловать в Шербур, — приветствовала его Рагна. — Что привело тебя сюда?

Мужчина ее словно не заметил и поклонился Луи.

— Добрый день, святой отец, — сказал он, коверкая франкское наречие. — Я прибыл к графу Хьюберту. Я Уилвульф, элдормен Ширинга.

* * *

Уилвульф не был красив, в отличие от Олдреда. Его не красили ни большой нос, ни челюсть, похожая на лопату, а руки элдормена были изуродованы шрамами. Но все горничные в замке краснели

и хихикали, когда он проходил мимо. Чужестранец — это всегда привлекает, но в Уилвильфе было что-то еще, выгодно его отличавшее. Наверное, все дело в его телосложении, в той расслабленной походке, какая была ему свойственна, и в твердости его взгляда. А главное, ему была присуща стойкая уверенность в себе, готовность, казалось, ко всему на свете. Словом, он был из тех мужчин, что подхватывают девушек на руки, когда им взбредет в голову, и уносят подальше.

Рагна к нему приглядывалась, а вот он как будто совершенно не замечал ни дочь графа, ни прочих женщин. Переговорил с отцом Рагны и с несколькими знатными норманнами, постоянно болтал со своими воинами на быстром и гортанном англосаксонском наречии, которого Рагна не понимала, но почти не обращал внимания на женский пол. Это обижало, Рагна не привыкла к тому, чтобы ею столь откровенно пренебрегали. Безразличие гостя возбуждало, девушке все сильнее хотелось заставить себя замечать.

Отец Рагны не проникся потребностями англов. Он не спешил взять их сторону против викингов, своих сородичей, приверженных разбою и грабёжам. По всему выходило, что Уилвильф приплыл в Шербур зря.

Рагна желала помочь Уилвильфу. Родственных чувств к викингам она не испытывала, наоборот, сострадала их жертвам. Вдобавок, помощи она ему, он, быть может, наконец-то ее заметит.

Графа Хьюберта Уилвильф интересовал мало, однако следовало проявить положенное гостеприимство, поэтому хозяин устроил охоту на кабана. Рагна искренне обрадовалась. Охота ей нравилась, и не исключено, что выпадет возможность сойтись с Уилвильфом поближе.

Охотники собрались у конюшен с первыми лучами солнца и наскоро позавтракали котлетами из баранины и крепким сидром. Потом разобрали оружие; годилось любое, но наиболее предпочтительным было особое тяжелое копьё с длинным наконечником и рукоятью той же длины, разделенными перекладиной. Потом сели на коней — Рагна, конечно, взяла Астрид — и направились на место, а вокруг, заливаясь лаем, прыгали собаки.

Отец Рагны возглавлял отряд. Он успешно справлялся с искоманием множества низкорослых людей и не стал выбирать себе коня побольше. Нет, он скакал на своем любимом крепком черном пони по кличке Тор. В лесу этот конек не уступал в резвости более крупным животным, зато превосходил их в ловкости.

Рагна отметила про себя, что Уилвульф хорошо держится в седле. Граф выдал гостью бойкого жеребца, серого в яблоках, по кличке Голиаф. Уилвульф легко свел знакомство с жеребцом и сидел в седле как влитой.

За охотниками шла вьючная лошадь — она везла корзины, полные хлеба, и сидр с кухни замка.

Доехали до Лешена, свернули к лесу Буа-де-Шен, самой обширной лесистой области на всем полуострове: там до сих пор в изобилии водились дикие животные. Направили лошадей в чащу, а собаки метались туда и сюда, принимаясь к подлеску и стараясь уловить резкий запах лесных свиней.

Астрид шла уверенно, наслаждаясь ощущением прогулки по лесу в утреннем воздухе. Рагна же ощущала нарастающее предвкушение, словно подстегиваемое несомненной опасностью. Кабаны — могучие звери с крупными клыками и крепкими челюстями. Взрослый кабан способен свалить лошадь и убить человека. Они нападают, даже если их ранить, особенно когда кабана загоняют в угол. Причина, по которой к охотничьим копытам приделывали перекладину, состояла в том, что без нее раненый кабан мог бы подобраться вплотную к охотнику, как бы нанизавшись на его оружие. Короче говоря, охота на кабана требовала хладнокровия и крепких нервов.

Одна из гончих поймала запах, торжествуя залаяла и побежала прочь. Остальная стая кинулась вдогонку, а люди последовали за собаками. Астрид сноровисто продиралась сквозь заросли. Ричард, младший брат Рагны, проскакал мимо сестры, самоуверенный, как все подростки.

Рагна услышала недовольный вопль вспугнутого кабана. Собаки будто обезумели, лошади ускорили шаг. Началась погоня, сердце Рагны забилося быстрее.

Кабаны неплохо бегают. На ровной местности им, конечно, с лошадьми не сравниться, но в лесу, где приходится то и дело петлять среди растений, нагнать кабана не так-то просто.

Наконец Рагна заметила добычу: лесную поляну перебежала упитанная самка, футов пять от морды до кончика хвоста, весившая, пожалуй, побольше самой Рагны, а за ней две-три самки поменьше и кучка полосатых поросят, удивительно шустрых для своих коротких ножек. У кабанов в семействах верховодили именно самки, а самцы обитали отдельно и возвращались в стадо лишь по зиме.

Лошадям тоже нравились острые ощущения от погони, особенно когда несешься компанией в сопровождении собак. Животные прорывались сквозь подлесок, топчя кусты и молодые побеги. Рагна держала поводья в левой руке, а в правой сжимала копые. Головой она прижималась к шее Астрид, чтобы не удариться о низкие ветки, которые для неосторожного всадника страшнее кабанов. Но все равно ее снедало охотничье безрассудство: она чувствовала себя Скади, северной богиней охоты*, всемогущей и неуязвимой, и не сомневалась, что в таком приподнятом состоянии с ней не случится ничего дурного.

Охота вырвалась из леса на пастбище. Коровы разбегались с испуганным мычанием. Лошади мгновенно настигли кабанов. Граф Хьюберт поразил насмерть одну из самок поменьше. Рагна погналась за увертливым поросенком, догнала жертву, примерилась и воцпила копые ему в круп.

Огромная самка развернулась, явно готовая дать отпор. Юный Ричард бесстрашно бросился на нее, но не рассчитал усилия: его копые воткнулось в поджарый бок — на дюйм или два, — а затем вдруг переломилось. Юноша не удержался в седле и повалился на землю. Самка немедленно ринулась на него, и Рагна непроизвольно вскрикнула, испугавшись за брата.

В следующий миг рядом объявился Уилвульф с копыем на изготовку. Он перепрыгнул через Ричарда, затем низко наклонился и ударил зверя. Наконечник пронзил горло самки и пропорол грудь. Должно быть, острие достигло сердца, потому что самка тут же рухнула замертво.

Всадники остановились и спешились; переводя дыхание, они весело поздравляли друг друга. Бледный Ричард явно смущался своим провалом, но все хвалили его за храбрость, и вскоре он уже вел себя как герой. Слуги выпотрошили туши, собаки жадно накинулись на брошенные в сторону свиные кишки. Запахло кровью и дерьмом. Потом явился крестьянин, возмущенный и взбудораженный бесчинствами знати, и отогнал своих перепуганных коров на соседнее поле.

Разыскали вьючную лошадь со снeдью, охотники напились и утопили голод хлебом.

* Авторское допущение: Скади не входила в «общепринятый» северный пантеон, и вряд ли героиня, при всей своей начитанности, могла отождествлять себя с этой великаншей - «повелительницей лыж».

Уилвульф присел на землю с деревянной кружкой в одной руке и куском хлеба в другой. Рагна не упустила случая подсесть к нему.

Он не выглядел особенно довольным.

Девушка привыкла к мужскому восхищению, поэтому столь наглядное безразличие уязвляло ее гордость. Кем он себя возомнил? Впрочем, чем упорнее Уилвульф от нее отворачивался, тем сильнее становилось ее стремление рано или поздно его очаровать.

Тщательно подбирая англосаксонские слова, она произнесла:

— Ты спас моего брата. Спасибо.

Он ответил достаточно любезно:

— Мальчики его возраста должны рисковать. Еще успеет поосторожничать в старости.

— Если проживет так долго.

Уилвульф пожал плечами.

— Робкий не заслуживает уважения.

Рагна решила не спорить.

— Ты в молодости тоже совершал опрометчивые поступки?

Он дернул уголком рта, будто улыбаясь приятным воспоминаниям.

— Я натворил немало безрассудств. — Прозвучало так, будто он хвастался, а не раскаивался.

— С годами ты, разумеется, поумнел.

Он ухмыльнулся.

— Можно и так сказать.

Рагна порадовалась тому, что его броня, похоже, дала трещину, и поспешила закрепить успех:

— Ты сумел договориться с моим отцом?

Уилвульф помрачнел.

— Он щедрый и гостеприимный хозяин, но отказывается выполнить мою просьбу.

— А о чем ты его просил?

— Я хочу, чтобы он перестал укрывать викингов в своей гавани.

Рагна кивнула. Отец рассказал ей то же самое. Надо расспрашивать дальше.

— Чем они мешают вам?

— Отсюда они переплывают пролив и нападают на мои города и деревни.

— Нас они не донимали уже целое столетие. Но не потому, что мы с ними в родстве. Они больше не нападают на Бретань,

на франкские или на Нижние земли*. Чем их так манит ваша Англия?

Уилвульф растерялся, словно не ожидал подобного вопроса от женщины. Однако она явно затронула тему, близкую ему, потому что ответил англичанин пылко:

— Мы богаты, особенно наши церкви и монастыри, но мы не умеем защищаться. Я разговаривал с книжниками, епископами и приорами. Великий король Альфред прогнал викингов, но он единственный из наших королей успешно отражал их набеги. Англия — это богатая старушка с ящиком, полным денег, который некому охранять. Потому нас и грабят.

— Что конкретно мой отец тебе сказал?

— Я-то думал, что мы, оба христиане, легко найдем общий язык, но он сказал, что не может удовлетворить мою просьбу.

Рагна это знала и успела кое-что придумать.

— Мой отец не хочет ввязываться в драку, которая его не касается.

— Я так и понял.

— Хочешь узнать, как я поступила бы на твоём месте?

Уилвульф помедлил, явно разрываясь между недоверием и надеждой. Ему было непросто согласиться выслушать совет от женщины. Но все же голос разума подсказывал ему не отмахиваться сразу же, и это радовало. Она ждала, не торопясь навязывать гостю свое мнение.

В конце концов он проговорил:

— И что бы ты сделала?

Ответ был наготове.

— Я бы предложила ему что-нибудь взамен.

— Он настолько корыстен? Признаться, я думал, что он поможет нам из чувства товарищества.

Рагна пожала плечами.

— Таковы правила переговоров. Вообще-то принято обмениваться выгодами.

Уилвульф пристально посмотрел на девушку.

— Пожалуй, мне стоит подумать об этом. Говоришь, предложить моему отцу что-то в награду за помощь?..

— Стоит попробовать, мне кажется.

* Историческая область в устье рек Рейн, Маас и Шельда; позднее здесь возникли Бельгия и Нидерланды. В 800–1000 гг. эта приморская область неоднократно подвергалась набегам викингов.

— Знать бы еще, что он может захотеть.
— Позволь другой совет?
— Конечно.
— Купцы из Шербура продают свои товары в Кум. Лучше всего идут бочки с сидром, сырны головы и тонкое полотно.

Уилвульф кивнул.

— Знаю, товары у вас неплохие.

— Нам назойливо чинят препятствия местные власти в Куме.

Он нахмурился и раздраженно процедил:

— Это я — власть в Куме.

— Как скажешь. Но твои люди, похоже, творят все, что им заблагорассудится. Всегда происходят задержки. С наших купцов требуют взятки. Никто не знает, сколько с тебя возьмут завтра, если сегодня взяли столько-то. Потому-то наши купцы стараются не связываться с Кумом.

— Каждый вождь вправе облагать чужаков пошлиной, разве нет?

— Согласна, но она не должна меняться непрерывно. Да и задержки с взятками — это лишнее.

— Придется потрудиться.

— Кого ты опасешься больше — своих людей или викингов?

— Хорошо сказано. — Уилвульф задумчиво почесал в затылке. — По-твоему, именно этого хочет твой отец?

— Честно сказать, я его не спрашивала и говорю сейчас не от его имени. Он сам за себя выскажется. Я просто даю тебе совет, опираясь на свой опыт — уж мне ли не знать отца.

Между тем охотники стали собираться. Граф Хьюберт крикнул:

— Обрато поедем мимо каменоломни! Там наверняка залегли матерые кабаны!

Уилвульф поднялся и пообещал Рагне:

— Я подумую над твоими словами.

Тронулись в путь. Уилвульф ехал рядом с Рагной, погруженный в размышления, и не издавал ни звука, но девушка не жаловалась — наконец-то она сумела обратить на себя его внимание и заставила прислушаться.

Заметно потеплело. Лошади шли бодро, будто понимая, что возвращаются домой. Рагна было подумала, что охота закончилась, но внезапно увидела клочок перепаханной земли — кабаны выкапывали корни и кротов, свою излюбленную еду. Конечно, собаки сразу взяли след.

Свора рванулась вперед, лошади поскакали за собаками, и вскоре Рагна разглядела новую добычу: на сей раз самцы, трое или, может быть, четверо. Кабаны промчались через рощицу, где дубы росли вперемешку с буками, а затем разделились — трое свернули на узкую тропинку, а четвертый вломился напрямик в заросли. Охотники погнались за тремя первыми, но Уилвульф кинулся за одиночкой, и Рагна присоединилась к заморскому гостю.

Кабан, насколько она успела заметить, был матерым, из его пасти торчали длинные клыки; в зарослях он затаился и, несмотря на приближение людей, не издавал ни звука. Уилвульф и Рагна объехали заросли — и заметили кабана впереди. Конь Уилвульфа перепрыгнул через ствол большого поваленного дерева. Рагна, решившая не отставать, подстегнула Астрид пятками: лошадь справилась, но едва-едва.

Зверь оказался сильным и выносливым. Лошади не отставали, но никак не могли его догнать. Стоило только подумать, что в следующий миг возможно будет наконец-то нанести разящий удар, как кабан резко менял направление бега.

Мелькнула мысль, что уже давно не слышно прочих охотников и собак.

Кабан выскочил на очередную поляну, и лошади прибавили прыти. Уилвульф очутился слева от зверя, а Рагна настигала того справа.

Уилвульф догнал кабана и ударил копьём. Зверь вывернулся в последнее мгновение. Наконечник копья вонзился ему в круп, ранил, но ничуть не замедлил. Кабан развернулся — и устремился на Рагну. Девушка подалась влево, дергая за поводья, и Астрид уверенной рысью двинулась на кабана. Рагна перехватила поудобнее копьё, острием вниз. Кабан вновь попытался уклониться, но запоздал, и копьё Рагны воткнулось ему точно в разинутую пасть. Она крепко стиснула рукоять, налегая всем своим весом, и толкнула копьё вперед, а когда почувствовала, что вот-вот выпадет из седла, — ослабила хватку. Подскакавший Уилвульф ударил кабана в толстую шею, и зверь рухнул наземь.

Спешились, раскрасневшиеся и тяжело дышавшие.

— Ты молодец! — одобрила Рагна.

— Это ты молодец! — воскликнул Уилвульф и вдруг поцеловал девушку.

Легкое касание губ — просто поздравительный поцелуй — неожиданно переросло в нечто большее. Рагна ощутила, как в Уил-

вульфe проснулось желание. Его усы щекотали ей кожу, его губы жадно прикипали к ее устам. Более чем расположенная к такому, она приоткрыла рот, принимая его язык. Но тут донеслись сторонние звуки, и пришлось оторваться друг от друга.

Спустя мгновение их окружили другие охотники. Они принялись рассказывать, объясняя, что завалили кабана вдвоем, совместными усилиями. Этот кабан оказался главной добычей дня, так что Уилвульфа и Рагну поздравляли снова и снова.

Голова шла кругом, Рагну переполняло возбуждение — не столько от охоты, сколько от поцелуя. Она порадовалась про себя, когда все расселись в седла и направились домой. Девушка держалась чуть поодаль от остальных, размышляя, что, собственно, стояло за этим поцелуем.

Она не могла похвастаться умением разбираться в мужчинах, но все-таки догадывалась, что им доставляет удовольствие сорвать случайный поцелуй с губ красивой женщины при любой возможности. А еще им было свойственно довольно быстро забывать о случившемся. Пусть, когда их уста слились, она почувствовала, как в Уилвульфe пробуждается желание, все равно он, скорее всего, наслаждался этим слиянием ровно так же, как наслаждался бы спелой сливой — съел и забыл. Она же испытала нечто особенное, и поцелуй, длившийся совсем недолго, ее потряс. Раньше она целовалась с мальчишками, это бывало редко и никогда не вызывало в ней такого отклика.

Ей вспомнилось, как в детстве она купалась в море. Она всегда любила воду и со временем научилась хорошо плавать, однако давным-давно ее как-то подхватила и повлекла прочь огромная волна. Она тогда завизжала, потом ноги нащупали дно, а потом она снова смело бросилась обратно в воду. Почему-то пришло на память это ощущение полной беспомощности и страха — перед чем-то столь могущественным и восхитительным.

С какой стати этот поцелуй так ее взволновал? Быть может, все дело в том, что ему предшествовало. Они с Уилвульфom беседовали на равных, он внимательно слушал Рагну, хотя со стороны казался вполне обычным мужчиной, который привык добиваться своего грубой силой и которому не до женских чувств и мыслей. А потом они вдвоем завалили матерого кабана, действовали слаженно, не сговариваясь, как если бы охотились вместе на протяжении многих лет. Все это, думалось Рагне, заронило в нее толику

доверия к Уилвульффу, вот почему она ответила на поцелуй столь жарко и вполне искренне.

Ей хотелось повторения, в этом она нисколько не сомневалась. В следующий раз поцелуй должен длиться дольше. А затем... Нужно ли ей от него что-то еще? Трудно сказать. Надо выждать и посмотреть, как все сложится.

Разумеется, менять своего отношения к гостю она прилюдно не станет. Впредь будет держаться вежливо и с достоинством, иначе все сразу заметят и поймут. Женщины ведь улавливают подобные перемены с той же скоростью, с какой собаки встают на след кабана. Ни к чему, чтобы горничные в замке распускали о Рагне сплетни.

Зато наедине все будет по-другому. Она твердо решила, что встретится с Уилвульфмом один на один по крайней мере еще разок, прежде чем он уплывет. К сожалению, уединиться в замке могли разве что граф с графиней, всем прочим приходилось выставлять личное на обозрение ближних. Крестьянам проще, подумала Рагна, можно ускользнуть в лес или возлечь посреди поля спелой пшеницы. Как же ей подстроить эту тайную встречу с Уилвульфмом?

Она вернулась в замок, так и не найдя ответа.

Передала Астрид конюху и двинулась в башню, где сразу угодила в руки ожидавшей ее матери.

Женевьева увлекла дочь в личные покои и отмахнулась от рассказа об охоте.

— Отличные новости! — объявила она. Ее глаза блестели. — Я разговаривала с отцом Луи. Завтра он едет обратно в Реймс. Он сказал, что ты ему понравилась!

— Приятно слышать, — отозвалась Рагна, сама не зная, что конкретно имеет в виду.

— Он прибавил, что ты немного прямолинейна — нам ли не знать! — но, как он думает, с годами избавишься от этого недостатка. Вообще отец Луи считает, что ты сумеешь поддержать Гийома, когда тот станет графом Реймским. Похоже, ты умело разобралась с тем спором в Сен-Мартене.

— А почему Луи думает, что Гийому понадобится поддержка? — с подозрением спросила Рагна. — Он будет слабым правителем?

— Хватит везде искать подвох! — отрубила мать. — Кажется, мы нашли тебе мужа, так что радуйся!

— Я радуюсь, мама, — заверила Рагна.

Она все же нашла укромное местечко для поцелуев.

За деревянным частоколом, помимо самого замка, скрывалось множество других построек — конюшни и сараи для скота; пекарня, пивоварня и кухня, семейные дома и кладовые, где хранились копченые мясо и рыба, мука, сидр, сыр и сено. Амбар для сена пока пустовал, ведь на пастбищах в разгар лета хватало свежей травы.

В первый раз Рагна отвела Уилвульфа туда под тем предлогом, что хочет показать ему, где его люди могут сложить на время свое оружие и доспехи. Он поцеловал ее, едва она притворила дверь, и этот поцелуй вышел, пожалуй, еще более возбуждающим, чем первый. Словом, амбар быстро сделался для них местом регулярных свиданий. С наступлением ночи, то есть поздним вечером, они оба выходили из башни, как поступало большинство обитателей замка за час до сна, и украдкой, отдельно друг от друга, пробирались в амбар. Там пахло плесенью, но они этого не замечали. С каждым днем они ласкали друг друга все откровеннее, но всякий раз Рагна останавливала Уилвульфа и уходила, тяжело дыша.

Они старались быть осторожными, но не сумели до конца обмануть Женевьеву. Графиня ничего не знала о встречах в амбаре, но явно догадывалась о страсти, что вспыхнула между ее дочерью и заморским гостем. Впрочем, говорила она об этом, по своему обыкновению, намеками.

— В Англии жить несладко, — обронила она однажды как бы между делом.

— Когда ты успела там побывать? — хмуро спросила Рагна, заранее зная ответ.

— Я никогда там не бывала, — не стала отрицать Женевьева, — но мне говорили, что там холодно и постоянно льет дождь.

— Хорошо, что мне не нужно туда ехать.

От матери так просто было не отделаться.

— Англичане не заслуживают доверия, — продолжала она.

— Разве? — Уилвульф показал себя человеком умным и на удивление душевным. В амбаре он проявлял поразительную нежность и заботу. Не стремился подчинять и властвовать, вел себя неотразимо притягательно. Как-то раз ему приснилось, что его связали веревкой из рыжих волос Рагны, поведал он, и проснулся он возбужденным. Девушка и сама испытала прилив желания, когда его слушала. Заслуживал ли он доверия? Наверное, да, но было очевидно, что мать думает иначе.

— Почему ты так говоришь? — спросила Рагна.

— Они держат слово, когда им удобно, и легко его нарушают.

— Можно подумать, что мы, норманны, поступаем по-другому. Женевьева вздохнула.

— Ты умна, Рагна, но далеко не настолько, как тебе кажется.

То же самое можно сказать о многих людях, подумала Рагна, от отца Луи до швеи Агнес; с чего бы ей самой отличаться от большинства?

— Быть может, ты права, мама.

Женевьева поспешила закрепить свое преимущество.

— Твой отец испортил тебя, когда стал обучать управлению. Женщина никогда не сможет быть правительницей.

— Еще как сможет! — возразила Рагна более пылко, чем намеревалась. — Женщина может быть королевой, графиней, настоятельницей в большом или малом монастыре.

— Лишь под началом и по воле мужчины.

— Если так рассуждать, то да, но тут многое зависит от характера самой женщины.

— Значит, ты собираешься стать королевой?

— Я не знаю, кем стану, но мне хотелось бы править совместно с мужем, говорить с ним на равных о том, что нужно сделать, чтобы наши владения пребывали в счастье и процветали.

Женевьева печально покачала головой.

— Мечты, мечты... Все ими грезят...

Больше она ничего не сказала.

Между тем переговоры Уилвульфа с графом Хьюбертом продолжались. Графу понравилась мысль обезопасить движение норманнских товаров через порт Кума, ведь он брал пошлину со всех судов, прибывающих в Шербур и выходящих оттуда. Обсуждение нередко перерастало в спор: Уилвульф не хотел снижать ставки на ввоз, а Хьюберт настаивал на полной отмене сборов; впрочем, оба были согласны в том, что эти сборы нужно как-то упорядочить.

Хьюберт уточнил, требуется ли одобрение английского короля Этельреда на соглашение, о котором они договаривались. Уилвульф признался, что не испрашивал у короля предварительное разрешение, и довольно легкомысленно прибавил, что непременно попросит Этельреда одобрить — мол, он уверен, что король не откажет. Граф Хьюберт позже сказал Рагне, что подобное легкомыслие его немного смущает, но, с другой стороны, норманны мало что теряют.

Рагна гадала, почему Уилвульф не привез с собой в Нормандию кого-то из своих советников, и лишь какое-то время спустя поняла, что таковых у него попросту нет. Он принимал множество решений на суде, в присутствии своих танов, а порой советовался со своим братом-епископом, но чаще всего решал и правил самостоятельно.

В конце концов Хьюберт и Уилвульф достигли соглашения, и графский писец составил договор. Свидетелями выступили епископ Байе и несколько знатных норманнских воинов и священнослужителей, гостивших в замке в тот день.

Затем Уилвульф стал собираться домой.

Рагна ждала, что он заговорит о будущем. Ей хотелось повидаваться с ним снова, но как быть, когда он уплывет в свою страну?

Что для него их отношения? Мимолетное увлечение? Конечно нет. На свете полным-полно смазливых крестьянок, которые охотно возлягут со знатным мужчиной, не говоря уже о рабынях-наложницах, лишенных права выбора. Уилвульф явно увидел в ней, Рагне, нечто особенное, потому и встречался с нею тайком каждый день, целовал и ласкал.

Стоило бы, пожалуй, прямо спросить, каковы его намерения, однако Рагна сдерживалась. Девушке ни к чему показывать мужчине, что она в нем нуждается. Кроме того, мешала собственная гордость. Если она ему дорога, он сам заведет разговор, а если промолчит, значит, так тому и быть.

Корабль ждал, ветер был попутным, и Уилвульф сказал, что уплывет следующим утром, когда они снова встретились в амбаре.

Предстоящее отбытие и обстоятельство, что они вряд ли увидятся когда-нибудь еще, могли бы остудить желание Рагны, но случилось обратное — она словно воспламенилась изнутри. Она цеплялась за Уилвульфа так, будто рассчитывала силой удержать его в Шербуре. Когда он прикоснулся к ее груди, она настолько возбудилась, что ощутила влагу на внутренних сторонах бедер.

Она прижалась к нему всем телом, чтобы сквозь одежду ощутить его затвердевшую плоть, и они задвигались вместе, как во время соития. Она приподняла длинный подол платья, чтобы острее чувствовать. Возбуждение становилось все сильнее. В глубине души она понимала, что перестает владеть собой, но отказывалась внимать голосу разума.

На Уилвульфе была рубаха до колен, и каким-то неведомым образом он исхитрился ее задрать. Никто не носил нижнего белья — вообще белье надевали только по особым поводам, например,

чтобы удобнее было ездить верхом. Рагна с восторгом ощутила прикосновение обнаженной плоти.

Мгновение спустя он вошел в нее.

Она смутно слышала, как он проговорил:

— Ты уверена?..

Она перебила:

— Глубже, глубже!

Внезапно накатила острая боль, но она длилась всего несколько мгновений, а потом нахлынуло сплошное удовольствие. Рагне хотелось, чтобы это чувство растянулось навечно, но Уилвульф стал двигаться резче, и вдруг оба содрогнулись от обоюдного иступления, и она ощутила внутри себя горячую жидкость. Было похоже на конец света.

Она ухватила за Уилвульфа, чувствуя, что ее ноги могут подкоситься в любой миг. Он долго прижимал ее к себе, затем наконец чуть отодвинулся и заглянул ей в глаза.

— Ого! — Выглядел он так, будто нечто крайне его изумило.

Кое-как справившись с обуявшим ее ликованием, Рагна хрипло спросила:

— Всегда так бывает?

— Вот уж нет, — откликнулся он. — Почти никогда.

* * *

Прислуга спала на полу, но у Рагны, ее брата Ричарда и нескольких старших слуг имелись собственные кровати — широкие скамьи у стены с полотняными тюфяками, набитыми соломой. Летом Рагна накрывалась простыней, а зимой спала под шерстяным одеялом. Тем вечером, когда в помещении затушили все свечи, она свернулась под простыней и принялась вспоминать.

Она отдала девственность мужчине, которого полюбила, и это было прекрасно. Она украдкой просунула внутрь себя палец, сразу ставший липким. Ощутила едкий, как от рыбы, запах, попробовала влагу на вкус — та отдавала соленым.

Она знала, что совершила поступок, который изменит ее жизнь. Священник сказал бы, что теперь она замужняя женщина перед Господом, и эти слова звучали неоспоримой истиной. Она искренне радовалась. Волнение и ликование, охватившие ее в амбаре, были физическим воплощением близости, стремительно крепнувшей между ею и Уилвулфом. Он подходил ей как мужчина, это она знала наверняка.

По сути, она предалась ему и в более практичном смысле. Знатной женщине полагалось лишаться девственности с мужем. Выходит, теперь ей назначено судьбой выйти замуж именно за Уилвульфа, не то она выставит себя лгуньей и разрушит свой брак.

Вдобавок она могла понести от него.

Интересно, как все будет утром? Как поведет себя Уилвульф? Ему придется что-то сказать, ибо он, подобно ей, знает, что все изменилось — теперь, когда они сделали то, что сделали. Он должен обратиться к отцу Рагны и просить ее руки. Наверняка возникнет спор из-за приданого. Они оба принадлежали к знати, следовательно, их брак касался не только семейных отношений. Не исключено, что Уилвулфу может потребоваться разрешение короля Этельреда.

Это ему тоже следует обсудить с Рагной. Вообще обсудить предстоит многое — когда и где они поженятся, как все будет обставлено. Она с нетерпением ждала этого разговора.

Рагна была счастлива, а все хлопоты можно благополучно уладить. Она любила своего избранника, он любил ее, и им суждено вместе провести долгие годы впереди.

Она думала, что не сомкнет глаз всю ночь, но вскоре провалилась в глубокий сон и не просыпалась, пока не наступило утро и слуги не застучали по столу мисками, а помещение не наполнилось запахом свежееиспеченного хлеба.

Она поспешно вскочила и огляделась. Воины Уилвульфа складывали свои немногочисленные пожитки в короба и кожаные сумки. Самого Уилвульфа видно не было: должно быть, ушел умыться.

Родители Рагны вышли из своих покоев и сели во главе стола. Мать вряд ли обрадуется утренним новостям. Отец, конечно, менее привержен соблюдению правил, но едва ли быстро смирится с последствиями того, что случилось. Они оба совсем по-другому мыслили себе будущее Рагны. Но если что, она признается, что потеряла девственность с Уилвулфом, так что им придется уступить.

Она отломил кусок хлеба, намазала кашицей из измельченных в вине ягод и жадно принялась есть.

Вошел Уилвульф и занял свое место за столом.

— Говорил с моряками, — сообщил он всем. — Мы отплываем через час.

Теперь, подумал Рагна, он расскажет; но Уилвульф достал нож, отрезал толстый кусок ветчины и начал его поглощать. Значит, разговор состоится после завтрака.

Внезапно Рагна поняла, что не в силах смотреть на еду. Хлеб встал комом у нее в горле, и пришлось сделать глоток сидра, чтобы его проглотить. Уилвульф беседовал с графом о погоде в проливе и о том, сколько времени потребуется, чтобы добраться до Кума. Все походило на разговор во сне, когда слова лишены всякого смысла. К счастью, завтрак быстро закончился.

Граф и графиня решили спуститься к морю и проводить Уилвульфа. Рагна присоединилась к ним, чувствуя себя невидимым духом, молча следуя за остальными, которые ее словно не замечали. Дочь городского главы, девушка ее лет, улыбнулась ей и воскликнула: «Доброе утро!» — но Рагна не ответила.

У кромки воды люди Уилвульфа выбрали рубахи и приготовились идти вброд до стоявшего у отмели корабля. Уилвульф обернулся и широко улыбнулся. Вот сейчас он наконец-то скажет: «Я хочу жениться на Рагне».

Он строго поклонился всем по очереди — графу, графине, Ричарду и, последней, Рагне. Взял ее руки в свои и кое-как, коверкая местное наречие, выговорил: «Спасибо за радушие». Затем отвернулся, прошлепал по мелководью и, не оглядываясь, поднялся на борт корабля.

Рагна не могла поверить своим глазам.

Матросы отвязывали канаты. Рагна не могла поверить в происходящее. Может, ей приснился дурной сон и она никак не проснется? На корабле подняли парус. На мгновение тот обвис, затем поймал ветер и расправился. Корабль тронулся в путь.

Уилвульф, опиравшийся на борт, помахал рукой и отвернулся.

5

Конец июля 997 г.

Летним днем, передвигаясь по лесу и разглядывая переменчивые узоры солнечного света на тропинке впереди, брат Олдред во весь голос распевал гимны. Когда не пел, он разговаривал со своим пони Дисмасом, выпрашивал у того, понравился ли ему очередной гимн и какой он хочет услышать следующим.

До Ширинга оставалось не более двух дней пути, и Олдред радовался, воображая ликование братьев. Он отлично исполнил порученное дело, продолжая нести знания туда, где раньше царил слепое невежество. Восемь новых книг в коробе, привязанном

к крупу Дисмаса, написанных на пергаменте и отменно разукрашенных, станут скромным основанием великого начинания. Олдред мечтал о том, чтобы аббатство Ширинга превратилось в главный центр обучения и науки, в место, где будет скрипторий, способный соперничать со скрипторием Жюмьежа, а также большая библиотека и школа, в которой отпрысков знати будут обучать чтению и письму и внушать им страх Божий.

Впрочем, до такого положения дел аббатству пока было далековато. Старшие братья не разделяли честолюбивых устремлений Олдреда. Настоятель Осмунд, дружелюбный и ленивый, во многом потакал молодому Олдреду, но главным образом потому, что понимал: поручи этому юнцу что-либо — и можешь считать, что все сделано, иное настоятеля не заботило. Вообще Осмунд соглашался на любое предложение, которое не требовало от него самого каких-либо усилий. Зато камнем преткновения оказывался казначей Хильдред, который отвергал все без исключения затеи, подумевавшие расходы, словно монастырю полагалось хранить и накапливать деньги, а не просвещать этот мир.

Быть может, Господь свел Олдреда с Осмундом и Хильдредом ради того, чтобы молодой монах научился долготерпению.

Надо признать, что Олдред не был одинок в своих устремлениях. Среди монахов уже давно бродило смутное желание перемен, многие желали изменить привычный уклад, встряхнуть братию, погрязшую в праздности и потворстве собственным слабостям. В Винчестере, Вустере и Кентербери во множестве выпускались прекрасные рукописные книги, однако этот порыв к совершенствованию пока не затронул аббатство Ширинга.

Олдред запел новый гимн:

Должны почтить мы стражников небес,
Что Божью славу...

Он осекся, увидев перед собой на тропе незнакомца.

Олдред даже не заметил, откуда тот взялся. Босые и грязные ноги, вместо одежды какие-то лохмотья, на голове ржавый шлем, почти скрывавший лицо. Окровавленная повязка на плече говорила о недавнем ранении. Незнакомец стоял на тропинке, преграждая Олдреду путь. Наверное, он вполне мог оказаться бездомным и безобидным нищим, но больше смахивал на злодея.

Сердце Олдредра упало. Все-таки не следовало соваться в лес в одиночку. Но этим утром на постоялом дворе в Мьюдфорд-Кроссинге не нашлось никого, кто двигался бы в эту сторону, так что монах поддался снедавшему его нетерпению и пустился в дорогу самостоятельно, не теряя суток-других на ожидание попутчиков.

Он остановился. Главное — не показывать, что боишься, как при встрече с грозным псом. Стараясь говорить размеренно, чтобы голос не дрожал, Олдред произнес:

— Да благословит тебя Всевышний, сын мой.

Незнакомец ответил хрипло — Олдреду даже подумалось, что хрипит он нарочно, чтобы остаться неузнанным:

— Ты кто таков будешь, святоша?

Выбритая макушка ясно выдавала в Олдредра человека Божьего, но в остальном он мог быть кем угодно — от скромного служителя до настоятеля.

— Я из аббатства в Ширинге.

— Один, значит, идешь? Не боязно, что ограбят?

Если Олдред чего и опасался, так это смерти.

— Кому взбрдет в голову меня ограбить! — воскликнул он с показной уверенностью. — У меня же ничего нет.

— А вон тот короб не твой?

— Нет, не мой. Он принадлежит Богу. Конечно, глупец может ограбить и Господа, но тем обречет свою душу на вечное проклятие. — Олдред заметил в кустах второго незнакомца. Даже вздумай он затеять драку с первым, двоих ему ни за что не одолеть.

— Что в коробе? — спросил первый разбойник.

— Восемь священных книг.

— Дорогие небось.

Олдреду вдруг живо вообразилось, как этот человек стучится в ворота монастыря и предлагает купить у него книгу. Его, разумеется, выпорют за такую дерзость, а книгу отберут.

— Они и вправду дороги, но для тех, кто сумеет их продать, не вызывая подозрений, — ответил монах. — Ты голоден, сын мой? Поделиться с тобой хлебом?

Разбойник помедлил, будто размышляя, потом твердо заявил:

— Оставь хлеб себе, мне нужны деньги.

Олдред уже не сомневался, что мужчина голоден. Если его накормить, он, глядишь, и разбойничать перестанет.

— У меня нет денег. — По сути, монах не обманывал, ибо монеты в его кошельке принадлежали аббатству Ширинга.

Разбойник опять замялся, явно растерявшись и не зная, как ему справиться с неожиданным поворотом разговора. Помолчав, он вдруг сказал:

— Сдается мне, конягу продать будет проще, чем короб с книгами.

— Верно, — согласился Олдред. — Но ведь люди станут говорить: «У брата Олдреда был пони с белым крестом на лбу, так что откуда ты привел эту конягу, приятель?» Что тогда скажет вор?

— Ты умный, святоша.

— А ты смелый. Но ты же не глупец, правильно? Ты не станешь убивать монаха ради восьми книг и одного пони, раз уж все равно не сможешь их продать.

Олдред прикинул, что пора прекращать спор, и, сглотнув слюну, направил Дисмаса вперед. Разбойник замер было в неподвижности, но потом отступил в сторону, так и не приняв никакого решения. Олдред проехал мимо, притворяясь, будто ни о чем не беспокоится.

Велико было искушение пустить Дисмаса рысью, но этот поступок выдал бы его страх, поэтому Олдред ехал степенно, едва справляясь с сотрясавшей его изнутри дрожью.

— Хочу хлеба, — прохрипел разбойник ему вслед.

Этой просьбой пренебрегать не стоило. Ведь священный долг Олдреда как монаха заключался в том, чтобы насыщать голодных. Сам Иисус говорил: «Паси агнцев моих»*. Эту заповедь следовало соблюдать, даже рискуя жизнью. Олдред натянул поводья.

В седельной суме у него лежала половина буханки и кусок сыра. Он достал хлеб и отдал разбойнику, а тот немедленно отломил краюху и затолкал в рот через отверстие в забрале своего дряхлого шлема. Должно быть, совсем исстрадался от голода.

— Поделись со своим товарищем, — посоветовал Олдред.

Второй разбойник выбрался из кустов, наполовину прикрыв капюшоном лицо, и Олдред при всем желании не мог разглядеть его черт.

Первый скривился, но разломил буханку пополам.

Второй разбойник пробормотал:

— Спасибо.

— Не меня благодари, сын мой, а славь Господа, который повел меня этой дорогой.

* Ин. 21:17.

— Аминь.

Олдред достал сыр.

— Этим тоже поделитесь.

Пока разбойники делили сыр, монах уехал.

Некоторое время спустя он оглянулся, но никого не увидел. Похоже, ему повезло уцелеть. Он вознес благодарственную молитву небесам.

Пусть ему самому придется сегодня поголодать, но это малая цена за чудесное спасение. Недаром Всевышний отнял у него пропитание, но подарил жизнь.

День близился к вечеру. Олдред добрался до реки и рассмотрел на дальнем берегу деревеньку из полдюжины домов и отдельно стоящую церковь. К западу от домов виднелось возделанное поле, тянувшееся вдоль берега.

На воде покачивалась лодка. Раньше Олдред не бывал в Дренгс-Ферри — обычно он выбирал другие пути, — но догадался, что пришел именно туда, куда направлялся.

Монах спешился и громко закричал. На берег вышла какая-то девица, отвязала лодку, села в нее и принялась грести. Когда лодка подплыла ближе, Олдред разглядел, что девица на вид простоватая, зато вполне откормленная, а лицо у нее сварливое. Дождавшись, когда она окажется в пределах слышимости, он назвал:

— Я брат Олдред из аббатства Ширинга.

— Я Квенбург, — откликнулась девица. — Переправой владеет мой отец Дренг. И постоялым двором тоже.

Что ж, ноги и вправду привели Олд্রেда в нужное место.

— За фартинг я тебя перевезу, но вот лошадь не возьму, не обессудь.

Олдред и сам это понимал. Хлипкая лодчонка того и гляди перевернется.

— Ничего страшного, Дисмас переплывет.

Монах заплатил фартинг, снял с пони седельную суму и короб с книгами заодно с седлом, сложил скарб в лодку. Залез в суденышко сам, не выпуская из рук поводья, и осторожно потянул, уговаривая Дисмаса войти в воду. Лошадка на мгновение заупрямилась.

— Давай, давай, — подбодрил Олдред, продолжая тянуть, и в тот же миг Квенбург оттолкнула лодку от берега. Дисмас поневоле ступил в реку. На глубине, когда дно ушло из-под копыт, он поплыл. Олдред крепко держал поводья. Вряд ли, конечно, Дисмас попытается сбежать, но рисковать не стоило.

Когда переправились, Олдред спросил у Квенбург:

— Далеко отсюда до Ширинга?

— Два дня пути.

Монах взглянул на небосвод. Солнце висело низко. Впереди долгий вечер, но ему, пожалуй, не дойти до следующего места ночлега до наступления темноты. Лучше переночевать здесь.

В ноздри ударил характерный кислый запах свежесваренного эля.

Дисмас нащупал дно. Олдред отпустил поводья, животное выбралось на берег, встряхнулось, избавляясь от воды, пропитавшей его шкуру, и принялось грызть сочную летнюю траву.

Из таверны показалась другая девушка — лет четырнадцати, волосы черные, глаза голубые. Несмотря на свою молодость, она уже была в тягости. На вид привлекательная, еще бы улыбнулась хоть разок. Олдреда потрясло, что она не носила головного убора. Простоволосыми обыкновенно ходили одни шлюхи.

— Это Блод, наша рабыня, — пояснила Квенбург. Блод промолчала, и Квенбург прибавила: — Она говорит по-валлийски.

Олдред выгрузил на сушу драгоценный короб, затем перенес на берег седло и седельную суму.

Блод услужливо подхватила короб. Монах с беспокойством наблюдал, как она несет груз в таверну.

Мужской голос произнес:

— За фартинг можешь с ней позабавиться.

Олдред обернулся. Мужчина пришел, скорее всего, вон из того приземистого строения, где, похоже, варили эль — именно оттуда доносился кислый запах. Чуть старше тридцати, высокий и широкоплечий, он выглядел так, как и должен был выглядеть отец Квенбург. Вдобавок Олдред усмотрел в его облике отдаленное сходство с Уинстеном, епископом Ширинга; помнится, болтали, будто Дренг приходится Уинстену двоюродным братом.

Припадая на ногу, Дренг подошел ближе. Задумчиво оглядел Олдреда, хитро сощурил узко посаженные глаза и неискренне улыбнулся.

— Фартинг — это дешево. Раньше по пенни брал.

— Спасибо, не надо, — отказался Олдред.

— Никто на нее не клюет. А почему? Да потому что понесла, тупая корова.

Олдред не стерпел.

— Думаю, она в тягости по твоей милости. Это ты подкладываешь ее под мужчин, вопреки Божьим заповедям.

— Ей это нравится, в этом - то и беда. Женщины начинают только тогда, когда им нравится.

— Да неужели?

— Все это знают.

— Я не знал.

— Откуда тебе знать - то? Ты же монах.

Олдред попытался проглотить оскорбление, как подобает христианину.

— Твоя правда, — смиренно признал он и склонил голову.

Непротивление, когда тебя оскорбляют в лицо, порой приводило к тому, что оскорбителю становилось слишком стыдно и он унижался, но Дренг явно был невосприимчив к стыду.

— Раньше у меня еще мальчишка был, если ты по этой части. Но он умер.

Олдред отвернулся. Эти слова его задели, поскольку в юности он как раз столкнулся с подобным искушением. Будучи послушником в аббатстве Гластонбери, он страстно полюбил молодого монаха по имени Леофрик. Они всего-навсего развлекались невинными мальчишескими шалостями, как казалось тогда Олдреду, но их застигли на месте преступления, и случился изрядный скандал. Олдреду спешно перевели в другую обитель, чтобы разлучить с возлюбленным, и так он очутился в Ширинге.

Больше такое не повторялось, да, Олдреду иногда посещали беспокойные мысли, но он научился с ними справляться.

Блод вернулась из таверны, и Дренг движением руки велел ей взять седло Олдреду.

— Самому не поднять, спина больная, — объяснил он. — Упал с коня в битве с викингами при Уотчете*.

Олдред покосился на Дисмаса, который словно поселился на местном дугу, и тоже направился в таверну. Заведение во многом походило на обычный дом, не считая своих размеров и обстановки — обилия столов, табуретов, сундуков и настенных шпалер. Бросались в глаза и иные признаки достатка: большой лосось, свисавший с потолка, коптился над очагом, на скамье стояла огромная бочка с пробкой, куры клевали тростник на полу, на огне бурлил горшок, источая дразнящий запах свежей баранины.

* По всей видимости, подразумевается сражение с викингами в 987 г., когда воины ярла Оттира, согласно «Англосаксонской хронике», разграбили этот портовый город.

Дренг указал на стройную молодую женщину, которая мешала варево в горшке. Олдред заметил у нее на шее резной серебряный кружок на кожаном ремешке.

— Моя жена Этель.

Женщина молча посмотрела на Олдреда. Дренга окружало множество молодых женщин, подумалось Олдреду, но все они казались несчастными.

— Много ли путников у вас бывает? — спросил монах. Как-то не ожидаешь увидеть такое благосостояние в столь крохотном поселении; Олдреду неожиданно пришло на ум, что за этим достатком может стоять разбой и грабеж.

— Достаточно, — коротко ответил Дренг.

— Неподалеку отсюда, в лесу, я встретил двоих мужчин, промышляющих разбоем. — Олдред взглянул Дренгу в глаза и добавил: — На одном из них был старый железный шлем.

— Мы зовем его Железной Башкой. Лжец и убийца. Он грабит путников на том берегу реки, прячется в лесу, через который ведет тропа.

— Почему его до сих пор не изловили?

— Мы пытались, уж поверь. Оффа, староста Мьюдфорда, предложил два фунта серебра за поимку этого злодея. Должно быть, он устроил себе убежище где-то в лесу, но мы не можем его найти. Люди шерифа* его ищут, совсем с ног сбились.

Звучало правдоподобно, однако Олдред не спешил расставаться с подозрениями. Дренг с его хромотой вряд ли мог быть этой Железной Башкой — если, конечно, он и вправду хромает, — но не исключено, что он состоял в доле с грабителем. Возможно, он знал, где находится убежище злодея, а тот платил ему за молчание.

— У него был странный голос, — прибавил Олдред, закидывая наживку.

— Наверное, ирландец или викинг, кто их там разберет. Да и пес с ним. — Дренг махнул рукой. — Как насчет кружки доброго эля с дороги? Моя жена варит очень хороший эль.

— Быть может, позже, — сказал Олдред. Негоже тратить монастырские деньги на пиво, если обстоятельства не вынуждают. Он повернулся к Этель: — Скажи, в чем секрет хорошего эля?

* Староста в англосаксонской Англии — «рив», а представитель короля в конкретной местности — иначе «главный староста» («рив местности») — звался шерифом.

— Не она, — поправил Дренг. — Моя другая жена, Лив, варит эль. Сейчас она в пивоварне.

Церковь боролась с этим обычаем. У большинства мужчин, которые могли себе такое позволить, было несколько жен — или жена с наложницами, не считая рабынь. Увы, церковь была не властна освящать брак. Два человека приносили клятвы при свидетелях, после чего считались мужем и женой. Священник, если его просили, осеял их благословением, но это было не обязательно. Беднота не делала записей об имуществе, а вот богачи нередко составляли договор о совместном владении.

Этот обычай Олдреду претил не только потому, что шел вразрез с моралью. Когда умирал мужчина вроде Дренга, частенько возникали споры и ссоры по поводу наследства, ибо следовало установить, какие именно дети прижиты в законном браке. Нынешний обычай был чреват такими вот склоками, способными навсегда расколоть прежде крепкие семьи.

Словом, Дренг вовсе не был исключением, однако вызывало удивление, что подобных правил придерживаются в крохотной деревушке поблизости от монастыря.

— Думаю, местных священников обеспокоили бы порядки в твоём доме, — строго сказал Олдред.

Дренг расхохотался.

— Да неужто?

— Я в этом уверен.

— Что ж, ты ошибаешься. Они все знают. Настоятель Дегберт — мой брат.

— Это не должно иметь значения!

— Тебе виднее, конечно.

Олдред слишком разозлился для того, чтобы продолжать выяснение отношений. Этот Дренг поистине отвратителен! Желая успокоиться, монах вышел наружу и двинулся вдоль реки. В груди все кипело.

Там, где заканчивались возделанные земли, стоял крестьянский дом с сараем, оба ветхие на вид и нуждавшиеся в починке. Олдред разглядел людей возле дома — трое молодых парней и женщина постарше; видимо, семья, оставшаяся без отца. Ему хотелось подойти к ним, но он сдерживал себя из опасения, что все жители Дренгс-Ферри окажутся похожими на Дренга. Монах уже было развернулся и пошел обратно, когда один из парней приветливо помахал рукой.

Что ж, если тут все же принято здороваться с чужаками, возможно, местные жители не совсем пропащие.

Олдред поднялся по склону к дому. Очевидно, эти люди прозябали в нищете — во всяком случае, ужинали они прямо на земле, а не в доме. Трое парней не вышли ростом, но широкие плечи подсказывали, что это крепкие ребята. Их усталая мать смотрела твердо и сурово. Лица худые, как будто все четверо скверно питались. Рядом лежала белая в подпалинах псина, тоже тощая.

Женщина заговорила первой.

— Присядь с нами, путник, и дай отдых ногам, — сказала она. — Меня зовут Милдред. — Ее палец указал поочередно на каждого из парней, от старшего к младшему. — Мои сыновья, Эрман, Эдбальд и Эдгар. Еда у нас не то чтобы изысканная, но можем поделиться.

Она ничуть не преувеличивала — скорее преуменьшала. Ужинали они буханкой хлеба и варевом из лесных растений в большом горшке; Олдред разглядел листья салата, лук, петрушку и черемшу. Мяса ни следа. Неудивительно, что они такие худые. Олдред был голоден, но грешно принимать пищу от людей, вынужденных жить в отчаянной бедности. Он вежливо отказался.

— Пахнет вкусно, но я не голоден. К тому же монахам надлежит бороться с грехом чревоугодия. Однако я присяду, с вашего разрешения. Благодарю за приглашение. — Он сел на землю, подумав, что его братья редко так поступали, несмотря на все свои обеты. Есть бедность мнимая, сказал он себе, а есть настоящая.

Чтобы поддержать беседу, он заметил:

— Трава почти поспела для косьбы. Через несколько дней у вас будет хороший урожай.

— Честно говоря, — ответила Милдред, — я не ожидала, что нам повезет с сеном. Сам видишь, кругом сплошные болота. Но ударила жара, и земля подсохла. Надеюсь, так будет каждый год.

— Выходит, вы тут новенькие? — спросил Олдред.

— Верно, — ответила она. — Мы прибыли из Кума.

Нетрудно было догадаться, что погнало их в дорогу.

— Должно быть, вы пострадали от викингов, так? Я видел, что творится в Куме, высадился там накануне.

Подал голос Эдгар, младший из братьев. На вид ему было лет восемнадцать, на подбородке проступали бледные и мягкие волоски, слабое подобие мужской щетины.

— Мы потеряли все. Мой отец был корабелом, но его убили. Наш запас древесины сожгли вместе с домом, инструменты пришли в негодность. Пришлось начинать жизнь заново.

Олдред с любопытством оглядел молодого человека. Красивым его не назовешь, но в его облике определенно было нечто притягательное. Беседа с чужаком его нисколько не смущала, фразы он строил правильно и мыслил, судя по всему, ясно. Монах ощутил что-то вроде влечения. Возьми себя в руки, прикрикнул он мысленно. Плотских грехов лично ему было избегать куда труднее, нежели греха чревоугодия.

— Так чем же вы занимаетесь в новой жизни?

— Скосим и продадим траву, если в ближайшие несколько дней не случится дождя, и тогда у нас наконец-то появятся деньги. Вон там, на возвышенности, зреет овес. Еще мы обзавелись поросенком и ягненком. Попробуем пережить зиму.

Крестьяне повсюду жили в такой же безысходности: никогда нельзя было сказать заранее, хватит ли урожая текущего года, чтобы дотянуть до следующего. Пожалуй, семейству Милдред удалось обустроиться получше, чем многим другим.

— Я бы сказал, что вам повезло попасть в это место.

Милдред махнула рукой.

— Поживем — увидим.

— Как вышло, что вы очутились в Дренгс-Ферри? — уточнил Олдред.

— Нас отправил сюда епископ Ширингский.

— Уинстен? — Олдред, конечно, знал епископа и был о нем невысокого мнения.

— Наш землевладелец — Дегберт Лысый, настоятель монастыря и двоюродный брат епископа.

— Вот как? — Олдред осознал, что начинает понимать порядки Дренгс-Ферри. Дегберт и Дренг были братьями, Уинстен приходился обоим двоюродным братом. В итоге сложилась этакая зловещая тройца братьев-разбойников. — А Уинстен сюда вообще заглядывает?

— Приезжал вскоре после мидсоммера.

— Через две недели после мидсоммера, — добавил Эдгар.

— Вручил по ягненку каждому хозяину, — продолжала Милдред. — Нам тоже досталось.

— Какой добрый епископ, — задумчиво проговорил Олдред.

Милдред сразу уловила недосказанность.

— Ты завидуешь? Или не веришь в его доброту?

— Просто я никогда не видел, чтобы он творил добро без скрытых побуждений. Так что — да, меня не причислить к поклонникам Уинстена.

— Убедительный довод. — Милдред усмехнулась.

Заговорил другой паренек, Эдбальд, средний сын вдовы Милдред, парень с веснушчатым лицом.

— Эдгар убил викинга, — сообщил он неожиданно низким голосом.

Старший, Эрман, вставил:

— Нам сказал, что убил.

Олдред покосился на Эдгара.

— Ты и вправду убил викинга?

— Я напал на него сзади, — признался Эдгар. — Пока он боролся с... с женщиной. Он не замечал меня, пока не стало слишком поздно.

— А что женщина? — По тому, с какой запинкой паренек о ней упомянул, Олдред решил, что она много для него значила.

— Викинг швырнул ее на землю прямо перед тем, как я его ударил. Она стукнулась головой о каменный порог. Я не успел ее спасти. Она умерла. — Такие очаровательные, карие глаза Эдгара наполнились слезами.

— Как ее звали?

— Сунгифу, — прошептал юноша.

— Я помолюсь за ее душу.

— Спасибо.

Похоже, Эдгар любил эту Сунгифу. Бедняга. Наряду с состраданием Олдред почувствовал изрядное облегчение: мальчик, настолько сильно влюбленный в женщину, вряд ли мог грешить с другим мужчиной. Сам он еще мог поддаться соблазну, но Эдгар не из таких, можно не беспокоиться.

Веснушчатый Эдбальд не унимался:

— Настоятель ненавидит Эдгара.

— Почему? — удивился Олдред.

— Я посмел с ним спорить, — объяснил Эдгар.

— Полагаю, ты взял верх, и это его окончательно рассердило.

— Он утверждал, что сейчас идет девятьсот девяносто седьмой год, значит, Иисусу исполнилось девятьсот девяносто семь лет. Я возразил, что Иисус родился в первый год, а потому его первый день рождения случился во втором году. Выходит, в следующее

Рождество ему исполнится девятьсот девяносто шесть лет. Все просто. Но Дегберт назвал меня высокомерным щенком.

Олдред рассмеялся:

— Да, Дегберт ошибся, но такую ошибку делают многие.

— Со священниками не спорят, даже если они неправы, — неодобрительно заметила Милдред.

— Особенно когда они неправы. — Олдред поднялся с земли. — Темнеет. Мне лучше вернуться в монастырь, пока еще светло, не то я оступлюсь и упаду в реку. Что ж, было приятно познакомиться.

Он попрощался и двинулся обратно в деревню. Все-таки до чего приятно встретить дружелюбных людей в этом глухом местечке.

Заночевать Олдред намеревался в монастыре. Он зашел в таверну, забрал свой короб и седельную суму. Вежливо кивнул Дренгу, но разговор не поддержал, и повел Дисмаса на холм.

Его путь пролегал мимо небольшого домика на просторном участке. Дверь, как обычно в это время года, была открыта, и Олдред заглянул внутрь. У окна сидела толстая женщина лет сорока с куском кожи на коленях, тачая башмак. Ощутив чужой взгляд, она вскинула голову.

— Ты кто?

— Олдред, монах аббатства в Ширинге, ищу настоятеля Дегберта.

— Дом Дегберта Лысого по другую сторону от церкви.

— Как тебя зовут, женщина?

— Я Беббе.

Подобно таверне, ее дом содержал признаки благополучия — в частности, ящик для хранения сыра, короб с кисейными стенками, пропускавшими воздух, но преграждавшими путь мышам. На столе стояла деревянная кружка, рядом маленький глиняный кувшин, вполне подходящий для вина. На крючке, вбитом в стену, висело тяжелое шерстяное одеяло.

— Ваша деревушка кажется зажиточной, — сказал Олдред.

— Это только кажется. — Беббе фыркнула, помолчала немного и добавила: — Хотя монастырь нас не забывает, делится своим богатством.

— А откуда богатство у монастыря?

— Какой ты любопытный, право слово! Кто тебя послал выспрашивать про наши дела?

— Выспрашивать? — искренне удивился Олдред. — Да кому сдалась эта крошечная деревенька в глуши?

— Вот и ступай себе, не приставай к честным людям.

— Спасибо за совет. — Олдред двинулся дальше.

Он поднялся на холм к церкви и увидел с ее восточной стороны большой дом, где, по всей видимости, и обитали священнослужители. Позади, у торца дома, лепилось строение, похожее на мастерскую. В распахнутую настежь дверь были видны языки пламени. Наверное, кузница, хотя нет, слишком тесно, кузнецам обычно требуется больше места.

Снедаемый любопытством, монах приблизился и заглянул внутрь. В очаге, приподнятом над полом, жарко пылал древесный уголь, и пламя раздувала пара мехов, стоявших поблизости. Кусок железа, плотно вбитый в толстый спил ствола, служил наковальной, высотой приблизительно по пояс взрослому человеку. Некий мужчина с молотком и узким долотом в руках наносил резной узор на кружок светлого металла — должно быть, серебра. Ему светил фонарь, установленный на наковальню. Рядом виднелось ведро с водой — явно для закалки раскаленного металла, а пара увесистых ножниц предназначалась, по-видимому, для резки металлических полотен. Позади мужчины угадывалась дверь, предположительно ведущая в большой дом.

Олдред сообразил, что видит перед собой ювелира. Вон полка с приспособлениями для тонкой работы — шила, плоскогубцы, тяжелые обрезные ножи и кусачки с маленькими лезвиями и длинными ручками. На вид мастеру было около тридцати, и этот пухлый человечек с двойным подбородком трудился самозабвенно, не замечая ничего вокруг.

Не желая его пугать, Олдред предупреждающе кашлянул.

Не помогло. Мужчина подпрыгнул, выронил инструменты и воскликнул:

— Боже всемогущий!

— Прости, не хотел тебя напугать, — извинился Олдред. — Я тут мимо проходил...

— Что тебе нужно? — осведомился мастер, голос которого дрожал от испуга.

— Да вообще-то ничего, — признался Олдред, вкладывая в тон всю убедительность, на какую он только был способен. — Я заметил пламя и решил проверить, как бы пожар не случился. — Приходилось выдумывать на лету, чтобы его снова не упрекнули в излишнем любопытстве. — Я брат Олдред из аббатства Ширинга.